

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

Прот. И.Л. Янышев

**Сущность христианства с
нравственной точки зрения**

Опубликовано:

Христианское чтение. 1877. № 9-10. С. 327-399.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

Сущность христіанства съ нравственной точки зре́ния.

Чтение третie:

Черты человѣческой нравственности въ Лицѣ Богочеловѣка Христа Спасителя.

Изъ предложенного въ первыхъ двухъ чтеніяхъ отвѣта на вопросъ: что значитъ быть нравственнымъ,—какъ илѣ кратокъ и какъ поэому ни мало раскрыть въ подробностяхъ этотъ отвѣтъ,—можно однажде усмотрѣть, что нравственно-добрый человѣкъ *приготовленъ*, какъ выражается св. Апостолъ (2 Тим. III, 17), *ко всякому добромъ дѣлу*; кому бы призванію на землѣ ни посвятиль себя, всякимъ онъ воспользуется только какъ желаннымъ средствомъ для своего духовнаго совершенствованія; къ кому бы союзу или обществу ни принадлежалъ, всюду внесеть онъ разумный строй и теплоту любви; качества его духа или добродѣтели, составляя для него самого неизсякаемый и неотъемлемый источникъ внутренняго довольства, всюду будуть распространять и материальное благосостояніе, насколько это послѣднее зависитъ отъ усилий отдельного человѣка.

Вся сила теперь только въ томъ, чтобы нравственная природа человѣка находилась въ нормальномъ состояніи, т. е. чтобы, во первыхъ, движенія нравственного *чувства*, а съ нимъ и безсознательнаго *влечения* къ добру, были чисты и энергичны; если это дано, то и *сознаніе* добра и зла, т. е. того, какія дѣйствія и качества нравственны и какія безнравственны, будетъ ясно въ нась и мы не смѣшаемъ одного съ другимъ; во вторыхъ, чтобы наше *я* дѣй-

ствительно обладало одинаковою свободою не только ко злу, но и къ добру.

А этотъ вопросъ: обладаетъ ли человѣкъ, помимо чрезвычайнаго божественнаго воздействиія на него, чистотою нравственнаго чувства и сознанія, и дѣйствительною свободою къ доброму, — и если не обладаетъ, то какъ совершается въ немъ обновленіе этихъ силъ, — этотъ вопросъ, говоримъ, касается уже *сущности христіанской религіи съ нравственной точки зрѣнія*.

Въ первомъ чтеніи было упомянуто, что сила и значеніе христіанства, смотрѣть ли на него какъ на церковь, какъ на начало новой культуры въ той или другой ея сферѣ, даже какъ на государство, насколько послѣднее одушевлено христіанскими началами, — что сила и значеніе всѣхъ этихъ обнаруженній христіанства зависить собственно отъ силы и значенія христіанства какъ религіи, какъ возстановленного союза между Богомъ въ Лицѣ Христа Спасителя и отдѣльнымъ человѣкомъ. Теперь же должно сказать, что сила и значеніе самой христіанской религіи или возстановленія союза между Богомъ и отдѣльнымъ человѣкомъ сосредоточивается, съ нравственной точки зрѣнія, какъ въ очищеніи нравственного чувства, слѣдовательно и въ обновленіи нравственнаго сознанія, такъ и въ возстановленіи свободы, какъ энергіи или силы, одинаково способной не только ко злу, но и къ добру. Только получивъ возможность какъ правильно чувствовать и слѣдовательно сознавать, что есть добро или зло, такъ и самодѣятельно осуществлять то или другое, человѣкъ дѣлается способнымъ самодѣятельно поставить себя въ такое или другое отношеніе и къ Богу въ Лицѣ Иисуса Христа.

Изъ сказанного вы изволите, м. г., отчасти усмотретьъ, что приступая къ отвѣту, что значитъ быть христіаниномъ, я преимущественно имѣю въ виду объяснить не то, что долженъ платить христіанинъ въ жизни своей, — это мы уже видѣли, когда рассматривали признаки и содержаніе нравственности, и сейчасъ снова увидимъ, что также нравственность выражена и жизнью самого Христа Спасителя; нѣтъ, я желалъ бы главнымъ образомъ объяснить, что значитъ съ нрав-

ственной точки зритія сдѣлаться христіаниномъ? Какъ возможна въ немъ та нравственность или то добро, какое явлено въ Лицѣ Иисуса Христа?

Товоря это, я уже предполагаю какъ всѣмъ извѣстный догматъ христіанскаго вѣроученія: паденіе первыхъ людей въ глубину зла или самоопредѣленіе ихъ въ пользу чувственности и эгоизма, и наследственность наклонностей къ этому злу во всякомъ, рождаемомъ на свѣтѣ, человѣкѣ. Не входя въ подробности этого ученія, постараюсь пояснить нѣсколькими словами значение паденія Адамова и нравственнаго состоянія язычника и юдея внѣ сознательнаго отношенія ихъ къ Лицу Искупителя міра, чтобы перейти затѣмъ къ очертанію человѣческой нравственности въ Лицѣ Иисуса Христа.

Вниманіе наше было уже обращено на то, что свобода или наше я всякимъ актомъ въ пользу добра или зла себя само ограничиваетъ, т. е. воплощаясь либо въ добрѣ, либо во злѣ, оно создаетъ себѣ качество, которое дѣлаетъ менѣе возможнымъ противоположное ему; потому что само становится неотъемлемою нашей собственностью, входитъ какъ элементъ въ составъ, какъ я выражался, духовнаго нашего организма. Это вполнѣ естественно. Если всякое, даже незамѣчаемое нами, раздраженіе внѣшнихъ чувствъ неизменно такъ или иначе касается нашего душевнаго строя и вліяетъ на него; то слѣдъ сознательного и свободнаго акта въ пользу добра или зла, въ виду нравственнаго закона и подъ вліяніемъ нравственного чувства, не можетъ не врѣзаться, такъ сказать, въ самое существо нашего духа и не составить язвы, надъ которой онъ больше не властенъ. Осуществляя себя въ одномъ изъ двухъ противоположныхъ направлений, онъ перестаетъ уже быть одинаково способнымъ къ обоимъ; зло настолько овладѣваетъ свободою и ограничиваетъ ея энергию къ добру, насколько она уже воплотилась въ зломъ качествѣ. Но этого мало: вмѣстѣ со грѣхомъ (въ данномъ случаѣ все равно, разматривать ли зло, какъ преступленіе положительной заповѣди Божией, или какъ дѣйствіе вопреки указанію нравственного чувства) чистота и пріятность движений самого нравственнаго чувства, пред-

назначенного только для блаженства человѣка, замѣняется движеньями въ немъ *стыда* предъ самимъ собою и *страха* предъ неизбѣжными послѣдствіями зла, однажды навсегда соединенными съ нимъ. А съ измѣненіемъ характера движений нравственнаго чувства не могутъ не омрачиться и нравственное сознаніе и вообще умъ человѣка, теперь уже заинтересованнаго во злѣ, какъ своеъ собственному достоянію. Невольная попытка согрѣшившихъ прародителей скрыться отъ Бога — всевидящаго и всезнающаго, и актъ собственнаго преступленія приписать не своей, а сторонней волѣ, попытка и сама по себѣ неразумная и преступная, отнюдь уже не казалась такою предъ омраченнымъ чувствомъ и сознаніемъ надшихъ прародителей въ раю!

Слово Божіе не открываетъ, насколько успѣли укрѣпиться въ добрѣ наши прародители до ихъ паденія. Но оно ясно учитъ, что паденіе ихъ во всякомъ случаѣ было глубокое. Если для нихъ оказались неизбѣжными изнурительные труды, болѣзни, самая смерть, то значитъ чувственность, съ ея иенасытностію, пустила глубокіе корни въ природѣ прародителей; и если жена, вмѣсто помощницы мужу, оказалась рабою его, а мужъ вмѣсто того, чтобы быть другомъ и руководителемъ своей жены, сдѣлался господиномъ надъ нею, то значитъ и эгоизмъ затмилъ въ ихъ сознаніи равенство ихъ богоподобнаго нравственнаго достоинства!

Дѣти, рожденныя отъ прародителей, не могли уже не наслѣдовать нравственныхъ предрасположеній отца и матери; ибо отъ одной сущности, или какъ мы раньше сказали, отъ „одного духовнаго сѣмени“, также какъ и отъ одной и той же персти, проходитъ весь родъ человѣческій. Зло, т. е. чувственность и эгоизмъ, какъ два направлѣнія золы, прямо противоположныя двумъ основнымъ требованіямъ нравственнаго закона, и до потопа и послѣ него, разросталось быстро вмѣстѣ съ умноженіемъ человѣческаго рода. Обезсиленная въ человѣкѣ и омраченная врожденная нравственная потребность, правда, не давала ему покоя, но за то *никогда и не могла превозмочь* въ немъ надъ зломъ; онъ искалъ идеаловъ, олицет-

творялъ ихъ и поклонялся имъ, какъ божеству, но выражалъ въ нихъ большою частію свое превратное пониманіе добра и зла и свою нравственно-испорченную фантазію.

Назначенный къ царственной, разумной власти надъ всѣмъ материальнымъ, человѣкъ, по паденіи своемъ, въ однихъ, наименѣе развитыхъ племенахъ, совсѣмъ повидимому, утратилъ понятіе о своей духовной природѣ и преклонился предъ неразумными силами вѣнчанаго міра: то предъ произведеніями земли, то предъ свѣтилами и явленіями небесными; въ другихъ, болѣе развитыхъ странахъ, различилъ ясно добро и зло: но какъ понялъ ихъ? Не какъ внутренній актъ нравственно-творческой силы или свободы человѣка, сознаніе которой въ немъ изсяило, а какъ вѣнчнія человѣку силы: благотворную и враждебную, — олицетворенные въ двухъ божествахъ, и какъ борьбу этихъ божествъ и въ видимомъ мірѣ и въ самомъ человѣкѣ, который самъ оказывался такимъ образомъ только пассивною аrenoю этой борьбы. Въ третьихъ, еще болѣе образованныхъ народахъ, падшій человѣкъ наряду съ добрыми качествами олицетворялъ въ образахъ фантазіи и боготворилъ и самые постыдныя страсти. Въ четвертыхъ, подъ вліяніемъ безъисходной и безсознательной тоски отъ порабощенія злу, понялъ самое сознаніе существованія своего какъ зло, и вступилъ въ отчаянную борьбу съ своимъ тѣломъ, внѣшнимъ міромъ и собственнымъ самосознаніемъ, и все это затѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ погрузиться въ какуюто отвлеченную сущность, которая есть въ тоже время всепожирающее ничто. Добродѣтельнѣйше изъ образованныхъ людей дохристіанского запада, каковы были стоики, въ своемъ нравственномъ міровоззрѣніи не могли подняться выше *слѣпой судьбы*, пустаго звука, ровно ничего не выражающаго. Идеальнѣйше мыслители языческой Греціи, каковъ Платонъ, не могли представить себѣ источника зла иначе, какъ въ формѣ матеріи, притомъ независимой отъ Божественнаго Разума, который оказывался такимъ образомъ самъ въ извѣстной степени зависимымъ отъ вещества.

Гдѣ нѣть чистоты нравственного чувства и влечения, гдѣ сво-

бода сама порабощена, тамъ не возможно живое сознаніе ни добра, ни духовной сущности природы человѣка, ни всемогущаго, творческаго, личнаго Духа, или: истиннаго Бога.

Назначенный для счастія семейной и общественной жизни по требованіямъ любви, управляемой правдою, или правды, одушевляемой любовью, человѣкъ, поработившійся эгоизму и чувственности, выработалъ и излюбилъ такія формы общежитія, въ которыхъ и помину нѣтъ о нравственномъ тождествѣ духовной природы всего человѣчества: народы раздѣлились по расамъ, изъ которыхъ ни одна не хотѣла въ другой признать равную себѣ по природѣ; одинъ и тотъ же народъ раздѣлился по кастамъ, изъ которыхъ одна не хотѣла видѣть равнаго себѣ духовнаго достоинства въ другой; въ самой семье мужъ деспотически поработилъ жену, родители порабощали дѣтей; на личность человѣка даже въ лицѣ большаго ребенка, не говоря уже о рабѣ и женщинѣ, смотрѣли какъ на вепцъ даже просвѣщеннѣйшіе мыслители древней Греціи, авторы идеальныхъ республикъ!

Невозможна взаимная разумная любовь, или правда, одушевленная благожелательностію, тамъ, гдѣ нѣтъ чистоты нравственного чувства и влеченія, гдѣ свобода порабощена чувственности и эгоизму!

Нравственное состояніе язычества неподражаемо изображено въ притчѣ Спасителя о блудномъ сынѣ, который, взявъ отъ отца слѣдующую ему часть имѣнія, пошолъ въ дальнюю страну, и тамъ, живя распутно, расточилъ имѣніе свое; а когда прожилъ все и когда настали голодъ и крайняя нужда, то онъ присталь къ одному изъ жителей страны той, чтобы части нечистыхъ животныхъ и раздѣлять съ ними ихъ пищу. Духовный голодъ на чужбинѣ и усилие заглушить его скотоподобными страстями: вотъ образъ нравственного состоянія язычества, пока не коснулся его лучъ евангельской благодати и не освѣтилъ предъ его сознаніемъ достоинство человѣческой природы, и радости, уготованныя ей въ домѣ Отца Небеснаго!

Но эта же притча напоминаетъ намъ о нравственномъ состояніи

единственного въ древнемъ мірѣ народа, долженствовавшаго, въ силу чудесной исторіи своей подъ особымъ водительствомъ Божіимъ, имѣть и хранить въ себѣ истинныя понятія какъ о Богѣ, такъ и Его святомъ законѣ. У блуднаго сына былъ старшій братъ, не разстававшійся съ отцемъ своимъ и всегда покорный его волѣ; но этотъ братъ считалъ себя столь непорочнымъ сравнительно съ младшимъ братомъ, что разгневался, когда отецъ простилъ и снова принялъ послѣдняго въ домъ свой. Этотъ гордый старшій братъ— есть Еврейскій народъ, о которомъ Самъ Богъ такъ говорилъ устами пророка: *его (жертвеннное) курение—мерзость предо Мною; его собранія нестерпимы Мнъ* (Исаіи XXIX, 15); почему же? *Потому что сердце его далеко отъ Меня и благовоніе его предо Мною—заученная человеческая заповѣдь* (ст. 10).

Законъ, поддерживая сознаніе добра въ евреѣ, не давалъ ему внутренняго влеченія и силы къ исполненію своихъ велѣній и, следовательно, возможности создать въ себѣ внутреннее настроеніе, для котораго законъ служилъ бы только естественнымъ выражениемъ; отъ того и самое, возбуждаемое закономъ, нравственное чувство лучшихъ изъ евреевъ, сознавшихъ святость закона, вело ихъ только къ страху передъ грознымъ Законодателемъ и Его карами и къ сознанію полнаго безсилія проникнуться духомъ закона.

Вотъ какъ одинъ изъ такихъ евреевъ времени Христа Спасителя сознавалъ свое нравственное состояніе въ виду положительнаго закона и внѣ особенной помощи свыше. Я разумѣю св. Ап. Павла, который, изъ гонителя юной христіанской Церкви сдѣлавшись ея великимъ Апостоломъ, самъ описываетъ свое до-христіанское нравственное состояніе, подраздѣляемое имъ на два вида: на состояніе до закона и состояніе подъ закономъ. *До закона*, говорить св. Апостолъ, т. е. пока онъ совсѣмъ не зналъ закона, не сознавалъ его требованій,—онъ думалъ, что живеть, какъ должно жить; *я живѣлъ*, говорить онъ (Римл. VII, 9). Когда же онъ узналъ, чего требуетъ законъ и стать исполнять его, какъ еврей изъ евреевъ (Филип. III, 5), какъ ревнитель отеческихъ преданій, преуспѣ-

звавшій болѣе многихъ сверстниковъ въ родѣ своеи (Фил. III, 5—6; Галат. I, 14); то чѣмъ усерднѣе исполнялъ законъ, чѣмъ непорочнѣе былъ по правдѣ законной, тѣмъ яснѣе сознавалъ, что онъ дѣластъ то, къ чему въ душѣ нѣть искренняго влеченія, что исполняетъ законъ только *рабски*, изъ страха предъ карою его (Римл. VIII, 15). Это не то значитъ, чтобы совѣсть Савла не одобряла закона; напротивъ онъ находилъ въ немъ удовольствіе (Римл. VII, 15. 22),—но дѣло въ томъ, что жившія въ глубинѣ его души наклонности были совсѣмъ иными, прямо противоположныя требованіямъ закона; прежде не сознаваемыя, онъ, благодаря именно точности, съ какою онъ старался исполнять законъ, выступали въ его сознаніи и какъ бы оживали все съ болѣшею и болѣшею силою и ясностію, такъ что онъ наконецъ увидѣлъ въ себѣ *только грѣхъ*; понялъ, что въ немъ жить не добро, а зло, что онъ нравственно безсиленъ, *крайне грѣшенъ, мертвъ*. Такимъ образомъ законъ, хотя и святой, и праведный, и добрый, только оживилъ въ немъ сознаніе грѣха и въ этомъ смыслѣ далъ ему поводъ къ обольщению грѣхомъ, такъ что онъ сдѣлался *проданнымъ грѣху, рабомъ грѣха* (Римл. VII, 9—14). Убѣжденный въ этомъ по собственному опыту св. Ап. Павелъ учить о томъ, что и *всѣ муди безъ изгнанія* по природѣ суть чада гиѣва и что Богъ для нихъ, коль скоро они получаютъ иправильное понятіе о Немъ, есть Богъ не вожделѣнной милости, а только безусловной правды, не благословенія, а гиѣва и проклятія (Ефес. II, 3).

Извѣстная степень сознанія нравственного безсилія и беспомощности исполнить законъ, если законъ извѣстенъ, какъ это было съ еврейскимъ народомъ¹),—или *извѣстная степень* духовнаго голода и томленія и стремленія къ нравственно-лучшему, хотя

¹⁾ Само собою разумѣется, что мы въ этомъ случаѣ отдѣляемъ законъ отъ *евангелія*, которое, въ видѣ обѣтованія Мессіи, какъ будущаго Спасителя міра, возбуждало къ вѣрѣ въ это обѣтованіе и будучи принято вѣрою, спасало вѣхозавѣтиныхъ праведниковъ и въ томъ смыслѣ, что служило для нихъ орудіемъ спасающей благодати или силы—къ истинно добродѣтельной и богоугодной жизни.

это лучшее представляется и въ нечистыхъ, смутныхъ нравственныхъ идеалахъ, какъ это было и бываетъ съ языческими народами,—и есть тотъ результатъ, къ которому *всеобщая* или *промыслительная* благодать Божія приводить падшаго человѣка путемъ его собственнаго *разума и совѣсти*, путемъ его *естественнной и исторической* жизни,—а вмѣстѣ есть и тотъ моментъ, когда приближается къ человѣку новая для него *особенная* или *христіанская*¹⁾ благодать, именно благая, евангельская вѣсть о Распятомъ и Воскресшемъ Праведникѣ!

Какъ еврейскому, такъ и всякому другому народу, Евангелие о Распятомъ и Воскресшемъ впервые возвѣщается лишь тогда, когда исполняется полнота времени, когда человѣческая совѣсть до извѣстной степени уже созрѣла (2 Кор. IV, 2 — 4). Но только Евангелие, чрезъ кого бы оно ни возвѣщалось,—обращаетъ эту полусознательную тоску о лучшемъ и это тeinное стремленіе освободиться отъ своего нравственно-удручающаго состоянія въ ясное сознаніе добра и зла: добра, какъ его понимаетъ Самъ Богъ и какъ оно явилось въ лицѣ Иисуса Христа,—и зла, какъ оно го-сподствуетъ въ человѣкѣ; только Евангелие даетъ человѣку и дѣйствительную свободу, возстановляетъ дѣйствительную energiю: или осуществить добро, или законыть во злѣ. Если апостолъ Павель вполнѣ созналъ жившее въ немъ зло и свое безсиліе исполнить законъ, то только потому, что этотъ законъ былъ руководителемъ

¹⁾ На мысль объ отличіи дѣйствій *всеобщей* или промыслительной благодати отъ *особенной*, которую по примеру учителей церкви можно назвать *евангельской* или *христіанской*, наводитъ, кромѣ Св. Писанія, и *Посланіе Восточныхъ Патріарховъ въ З-мъ членѣ*. О христіанской благодати скажемъ подробнѣе въ послѣднемъ чтеніи. Ученіе о *предваряющей* благодати, какъ оно излагается въ существующихъ у насъ богословскихъ системахъ, обыкновенно смыливаетъ дѣйствія *всеобщей* благодати съ тѣми дѣйствіями *христіанской* (призваніе къ покаянію и вѣрѣ во Христа), которые *предшествуютъ* Таинствамъ. Отсюда цѣлый рядъ противорѣчій между понятіями о благодати съ одной стороны и о частныхъ ея дѣйствіяхъ съ другой. Отсюда же странное, ходячее въ учебникахъ положеніе, что спасающая или христіанская благодать сообщается только въ Таинствахъ.

ко Христу; но и Павелъ не могъ самъ придти ко Христу, пока самъ Господь не привлекъ его къ Себѣ. Если блудный сынъ ясно созналъ и живо почувствовалъ свое бѣдственное положеніе, то только потому, что онъ уже зналъ жизнь въ домѣ отца и могъ сравнить ее съ распутною жизнью на дальней сторонѣ; какъ онъ *самъ рѣшился* возвратиться къ отцу, это мы увидимъ въ четвертомъ чтеніи. Господь, своею *промыслителною* благодатію, близъ всякаго человѣка всегда и вездѣ; но Евангеліе о спасеніи возвѣщается только въ опредѣленныя времена и даетъ возможность спасенія только тому, кто находится подъ вліяніемъ именно *христіанскаго благовѣстія*.

Поэтому, приступая къ указанію на черты человѣческой нравственности въ земной жизни Христа Спасителя на основаніи Евангелія о Немъ, считаю необходимымъ теперь уже напомнить то, что составить содержаніе послѣдняго нашего чтенія, — именно, — что жизнь Иисуса Христа на землѣ отнюдь не есть только *образецъ* добра, *примѣръ* истинно-человѣческой жизни; она есть вѣчно живое *первоначало* и неизсякаемый *источникъ* истинно-человѣческой жизни на землѣ, путемъ прежде всего евангельского слова Божія, неотдѣлимаго отъ Духа Божія, проникающій въ надшую человѣческую природу и дающій ей возможность не только вполнѣ сознать, что такое добро и зло, но и *рѣшиться на то или другое* и затѣмъ, въ силу рѣшимости на добро, чрезъ таинства Церкви дѣйствительно возрождающей надшаго человѣка къ истинно-человѣческой нравственной жизни.

Но и какъ образецъ человѣческой нравственности, земная жизнь Спасителя міра можетъ быть разматриваема только въ условномъ смыслѣ.

Нравственное добро составляетъ, какъ мы знаемъ изъ первыхъ двухъ чтеній, прежде всего субъективнія блага или добродѣтели; все же виѣшия дѣйствія; равно какъ и объективнія нравственныя блага имѣютъ значеніе нравственно-добрыхъ лишь настолько, насколько онъ служить выраженіемъ субъективныхъ. Такъ и въ

земной жизни Спасителя міра нравственное добро составляютъ не Его виѣшнія, виѣшнимъ чувствамъ доступныя черты жизни, не Его видимое положеніе въ мірѣ, не Его отдѣльные поступки и слова, а то внутреннее настроеніе, которое выражалось во всей этой виѣшности. Поэтому, говоря о Спасителѣ и какъ образцѣ нравственного добра, мы должны понимать слово: *образецъ* не какъ нѣчто, подлежащее виѣшнимъ чувствамъ, не какъ сумму Его виѣшнихъ поступковъ или произнесенныхъ Имъ словъ и изрѣченій, съ которыми бы можно было сообразовать наши слова и дѣйствія, а какъ совокупность духовныхъ качествъ человѣческой природы *Богочеловѣка*, поколику эти качества выразились въ Его словахъ и поведеніи. Равнымъ образомъ и подъ *подражаніемъ* Спасителю слѣдуетъ понимать не копированіе, такъ сказать, Его поступковъ, и повтореніе Его словъ, а самодѣятельное, съ помощію благодати Божіей, созиданіе въ себѣ (назиданіе) тѣхъ же внутреннихъ истинно-человѣческихъ свойствъ, которыми, въ недосыгаемомъ конечно совершенствѣ, обладалъ Спаситель міра.

Но и изъ духовныхъ человѣческихъ качествъ не все то свойственно и возможно одному человѣку, что свойственно и возможно другому; человѣческая личность потому между прочимъ и есть лицо, духовная индивидуальность, что она обладаетъ ей только свойственными нравственными качествами, которые зависятъ не только отъ *свободы каждого индивидуума*, но и отъ тѣхъ особенностей его тѣлесной природы (темперамента) и отъ тѣхъ врожденныхъ его дарованій, которыхъ составляютъ вѣренный ему отъ Бога талантъ. Спаситель же міра, какъ человѣкъ, былъ индивидуумъ, личностю, въ особенно-глубокомъ смыслѣ этого слова,— не только въ томъ смыслѣ, что по *духовно-физической человѣческой природѣ* своей Онъ принадлежалъ своей странѣ, народу, племени, роду и времени, но и болѣе всего въ томъ, что съ Его человѣческою природою была *ипостасно* соединена Его Божественная природа для спасенія всего человѣческаго рода, короче—что Онъ былъ Богочеловѣкомъ.

Какъ историческая человѣческая личность, Спаситель былъ по происхожденію отъ матери евреи, изъ колѣна Іудова, изъ рода Давидова; по призванію среди другихъ евреевъ былъ раввиномъ, хотя и не обучался въ раввинскихъ школахъ, и отъ другихъ раввиновъ отличался не только тѣмъ, что велъ безбрачную жизнь и не имѣлъ никакой недвижимой собственности, но и Ему только свойственными пріемами въ ученіи и въ обращеніи съ слушателями.

„Если Иисусъ Христосъ“, скажемъ словами одного богослова, „правниваетъ Себя къ своему народу съ его бѣдствіями и его надеждами и въ тоиь отношеніи, что пріемлетъ крещеніе отъ Іоанна, хотя для Себя самого не нуждается ни въ какомъ покаяніи и прощеніи; если Онъ по временамъ запрещаетъ разсказывать о Своемъ Вожественномъ назначеніи и Своихъ чудесахъ; если Онъ спачала строго поступаетъ съ Хананеякою, потому что она язычница, и простираетъ ей руку помощи только вслѣдствіе ея трогательного смиренія и вѣры; если Онъ, на бракъ въ Канѣ, Своей Матери, которая тайно сообщаетъ Ему свою заботу о недостаткѣ вина, отвѣчаетъ такими словами, которыя, какъ бы ихъ ни толковать, звучатъ строгостю; если Онъ проклинаетъ смоковницу; если Онъ въ своихъ рѣчахъ не удостовѣряется объяснять Своихъ словъ, которыя возбуждаютъ соблазнъ и удаляютъ отъ Него слушателей, тогда какъ по нашему мнѣнію было бы, кажется, не трудно скорѣе привлечь, чѣмъ оттолкнуть ихъ (напр. у св. Іоанна, VI-я гл. о хлѣбѣ небесномъ); если Онъ въ некоторыхъ притцахъ выставляетъ одну сторону божественной истины и притомъ въ очень сильныхъ выраженіяхъ, предоставляемъ размышенію самимъ слушателей понять отдельные изрѣченія Спасителя изъ всей совокупности Его ученія (напр. когда Онъ говорить, что удобнѣе верблюду пройти сквозь иглины уши, чѣмъ богатому войти въ Царство Божіе; что когда кто удастъ въ правую щеку, то должно подставить и лѣвую; что должно возненавидѣть отца и матерь и пр.); если Онъ изгоняетъ торжниковъ изъ храма, опрокидываетъ столы и т. под.: то все это развѣ не составляеть индивидуальныхъ особенностей Спасителя міра, какъ учителя среди другихъ современныхъ Ему учителей еврейскаго народа? — Эти черты не нуждаются въ защищѣ или извиненіи противъ тѣхъ, которые вздумали бы видѣть въ нихъ обнаружение какого либо недостатка, напр. гнѣва; мы очень хорошо можемъ усматривать и въ этихъ чертахъ мудрость Господа, Его святыхъ намѣреній; еслибы въ какомъ либо случаѣ мы и не могли объяснить способъ Его дѣйствій, то и тогда мы отъ всего сердца вѣрили бы, что Онъ

Самъ очень хорошо зналъ, почему такъ, а не иначе дѣйствовалъ, и что Опъ во всякомъ случаѣ дѣлалъ только то, что угодно было Отцу Его. Но мы должны согласиться, что такой, а не другой способъ дѣйствія, такое, а не другое нореденіе Господа съ нравственной точки зрењія не были безусловно необходимыми, единственно возможными, и что въ нихъ выражались индивидуально-человѣческія свойства Спасителя міра¹⁾).

Какъ человѣкъ, обладающій всѣми свойствами неповрежденной человѣческой природы, притомъ ипостасно соединенной съ божественною, Онъ не только отъ рожденія былъ чуждъ первороднаго грѣха, но и во всей своей жизни, несмотря на чрезвычайныя искушенія отъ діавола въ пустынѣ и отъ немощей тѣлесной природы среди разныхъ лишеній, особенно среди страданій на крестѣ, никогда не былъ причастенъ какой либо нравственной немощи, дѣйствовалъ всегда только въ согласіи съ волею Божіею и обладалъ безусловно чистымъ нравственнымъ настроеніемъ; притомъ, это настроеніе часто выражалъ въ такихъ, почеловѣчески нравственно добрыхъ, но физически необычайныхъ дѣйствіяхъ, какія далеко превышаютъ человѣческія силы и свойственны только Божественному всеїдѣнію и всемогуществу (каковы всѣ чудеса Спасителя на благо страждущимъ и Его пророчества). Болѣе того: исполняя религіозныя предписанія Моисеева закона, Онъ въ тоже время относится къ нимъ, какъ стоящій выше всякаго законодательства; судить о нихъ полновластно, какъ самъ Законодатель и замѣняетъ ихъ собственными религіозными же учрежденіями; словомъ: является въ своей жизни не только индивидуально человѣческія, но и божественные свойства.

¹⁾ Palmer. Moral des Christenthums, Stuttgart, 1864 г. стр. 149—150. Нѣкоторыми мѣстами изъ этого же сочиненія, изъ котораго заимствованы, не въ точномъ вирочемъ переводе, выше приведенная мысл, мы не дѣлая ссылокъ, пользовались при нижеслѣдующей группировкѣ общепзвѣстныхъ подробностей изъ нравственной жизни Христа Спасителя, относящихся преимущественно къ реальнѣй сторонѣ нравственности. Это сочиненіе, за исключеніемъ очень не многихъ страницъ, въ которыхъ сказываются особенности протестантскаго вѣроученія, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ особенного вниманія интересующихся христіанскимъ нравоученіемъ.

Всѣ эти свойства, какъ индивидуально-человѣческія, такъ и божественныя, само собою понятно, не могутъ быть предметомъ подражанія для людей. Только то, что въ этихъ свойствахъ есть человѣчески-нравственнаго, т. е. зависящаго отъ человѣческой свободы Спасителя міра, хотя мы и не можемъ ее мыслить виѣ единенія съ божественною свободою, и въ чемъ заключается сущность человѣческой нравственности, только это человѣчески-нравственное добро, поколику оно выразилось въ жизни Спасителя міра, можетъ служить образцемъ, нравственнымъ требованіемъ и для всякаго другаго человѣка.

Въ такомъ именно смыслѣ Слово Божіе и указываетъ на Спасителя, какъ на образецъ жизни всякаго христіанина, какъ на предметъ подражанія. *Кто говоритъ, что пребываетъ въ Немъ* (Иисусъ Христъ), *долженъ поступать такъ, какъ Онъ поступалъ*, говоритъ св. Апостолъ Иоаннъ (1 Іоанн. II, 6). Въ чемъ же должно состоять это сходство послѣдователя Христова съ своимъ Учителемъ? Не во виѣшнихъ отдѣльныхъ поступкахъ, а единственno во внутреннемъ настроеніи, въ свойствахъ духа, какъ напр. въ мужествѣ предъ врагами истины, кто бы ни были эти враги: такъ св. Ап. Павель увѣщаваетъ Тимоѳея къ мужественному исповѣданію вѣры примѣромъ страждущаго Спасителя предъ Понтиемъ Пилатомъ (1 Тим. VI, 12. 13); въ долготерпѣніи въ страданіяхъ, какъ частномъ видѣ мужества: *Христосъ пострадалъ за насъ, оставилъ намъ примѣръ, дабы мы шли по следамъ Его* (1 Петр. II, 21); въ любви къ ближнему: *живите въ любви, какъ и Христосъ возлюбилъ насъ и предалъ Себя за насъ* (Ефес. V, 2); *Онъ положилъ за насъ душу Свою, и мы должны полагать душу за братьевъ* (1 Іоанн. III, 16); въ готовности служить ближнему: *каждый изъ насъ долженъ уюждать ближнему во благо, къ назиданію. Ибо и Христосъ не Себѣ уюждалъ* (Римл. XV, 2 — 3); въ смиреніи: *въ васъ должны быть тѣ же чувствованія, какія и во Христѣ Иисусѣ: Онъ, будучи образомъ Божіимъ, не почиталъ хищеніемъ бытъ равнымъ Богу: но*

уничижилъ Себя самого, принявъ образъ раба, сдѣлавшиъ подобнымъ человѣкамъ, и по видусталъ какъ человѣкъ; смирилъ Себя, бывъ послушнымъ даже до смерти, и смерти крестной (Филип. II, 5—8). Во всѣхъ этихъ мѣстахъ идеть рѣчъ о подражаніи не въ томъ или другомъ дѣйствіи или въ видѣ страданія Спасителя: кто изъ людей можетъ подражать искупительнымъ дѣламъ, страданіямъ или заслугамъ Богочеловѣка?—а въ тѣхъ нравственныхъ качествахъ или аскетическихъ и общежительныхъ добродѣтеляхъ, которыя относятся къ сущности нравственного добра во всякомъ человѣкѣ. Въ васъ должны быть тѣ же чувствованія (тоже внутреннее настроеніе, поколику оно зависитъ отъ вашей свободы), какія и во Христѣ Иисусѣ: вотъ въ какомъ единственномъ смыслѣ Иисусъ Христосъ есть образецъ нравственного добра и предметъ подражанія для христіанина!

Поэтому-то какъ ни богаты Евангелія указаніями на отдѣльные поступки и внѣшнія черты Спасителя міра, какъ эти поступки и отдѣльныя черты ни назидательны и ни драгоценны для всякаго христіанина,—Св. Писатели не спѣшать ставить ихъ въ примѣръ вѣрующихъ даже тамъ, где бы это казалось особенно умѣстнымъ; напр. тамъ, где Св. Апостоль внушаетъ дѣтямъ повиновеніе родителямъ, а родителямъ — заботу о воспитаніи дѣтей, онъ очень кстати могъ бы указать на примѣръ повиновенія Спасителя Своей Пречистой Матери и мнимому отцу и на примѣръ воспитанія Имъ Своихъ учениковъ; но онъ этого не дѣлаетъ. И Самъ Спаситель, наставляя своихъ слушателей, указываетъ имъ въ примѣръ не Свои частныя дѣянія и вообще не столько Себя самаго, сколько другихъ лицъ, напр. Самарянина, младенца, какое либо лицо изъ притчей; посылая Своихъ учениковъ на проповѣдь, не убѣждаетъ ихъ подражать Своей собственной, проповѣди, а обѣщаетъ имъ помочь отъ Св. Духа; вообще не такъ ведеть Себя въ жизни, не такъ говорить и дѣйствуетъ, чтобы слушающіе и видящіе Его могли постоянно брать себѣ въ примѣръ отдѣльныя Его слова и поступки.

Есть правда, одно виѣшнее дѣйствіе Спасителя, совершенное Имъ предъ страданіями Своими, о которомъ Онъ Самъ заповѣдалъ, чтобы и ученики Его дѣлали тоже по подражанію Ему, — это умовеніе ногъ ученикамъ; но и это подражаніе Спасителю какъ учениками, такъ и всею Церковю понято не въ буквальномъ смыслѣ, и если совершаются доселъ въ извѣстный день въ году, то не какъ правило практической жизни вѣрующихъ (по крайней мѣрѣ не въ восточныхъ странахъ), а какъ церковный обрядъ, какъ символъ того смиренія и того человѣколюбія, которыя выразились въ этомъ дѣйствіи Спасителя.

Обращаясь теперь къ изложенію самыхъ признаковъ и самого содержанія нравственности въ Лицѣ Христа Спасителя, о которыхъ свидѣтельствуетъ намъ Слово Божіе, я убежденъ, что просвѣщенное общество не ожидаетъ, чтобы возможно было не только исчерпать и изобразить, но и понять и достойно оцѣнить нравственное величіе Безгрѣшного Человѣка, который притомъ есть вмѣсть и Богъ нашъ. Есть на западѣ, встрѣчаются и въ нашей литературѣ попытки охарактеризовать земную жизнь Спасителя; какъ на одну изъ особенно замѣчательныхъ можно указать на переведенную съ англійскаго и изданную въ прошломъ году въ Москвѣ жизнь Іисуса Христа — *доктора Фаррара*. Но всѣ эти попытки напоминаютъ древнее сказаніе о живописцѣ, котораго Авгарь, при жизни Спасителя послалъ въ Палестину для снятія съ Него портрета: все что ни успѣвалъ живописецъ изобразить на полотнѣ, оказывалось далеко не похожимъ на Лицъ Спасителя всякий разъ, когда живописецъ снова обращался къ этому Лику, — пока Самъ Господь по снисхожденію къ усердію Авгара, не отпечатлѣль своего нерукотворенного образа на полотнѣ, отерши имъ Лицо Свое. Та или другая черта изъ нравственнаго образа Спасителя, конечно, отпечатлѣвается болѣе или менѣе въ тѣхъ или другихъ духовныхъ качествахъ вѣрующихъ, — но полный образъ Его и во всей неизрѣченной славѣ его, едвали вмѣстимъ не только въ умѣ и сердцѣ отдѣльныхъ вѣрующихъ, но и во всей земной Церкви Христовой.

Напрасно также пытался бы кто нибудь очертить нравственный характеръ Спасителя, какъ типъ, какъ идеалъ, въ которомъ бы сочетаніе духовныхъ совершенствъ было такъ же своеобразно, какъ въ обыкновенныхъ великихъ людяхъ, у которыхъ извѣстныя совершенства составляютъ выдающуюся черту, другія группируются около нихъ опять въ свойственномъ только этому лицу сочетаніи. И этого мы не видимъ въ Лицѣ Спасителя. Если что можетъ быть названо отличительнымъ признакомъ Его характера, то, это Его безгрѣшность и равновѣсие всѣхъ духовныхъ качествъ, изъ которыхъ каждое представляетъ собою недосягаемое для нась совершенство.

Цѣль моего изложенія признаковъ и содержанія человѣческой нравственности въ Лицѣ Спасителя иная: просто дать понять, что, призывая насть къ вѣрѣ, къ послѣдованію за Собою и даруя намъ для этого свою Божественную помощь, Господь требуетъ отъ насть не какихъ нибудь небесныхъ, божественныхъ, а чисто человѣческихъ, въ свойственной] каждому изъ насть мѣрѣ вполнѣ доступныхъ качествъ, которыя могутъ и должны были бы проявляться въ самой обыкновенной средѣ, въ каждомъ честномъ званіи и труде, въ любомъ кругу семейномъ или общественномъ.

Въ самомъ дѣлѣ что мы видимъ въ человѣческой нравственности Христа Спасителя? Съ формальной стороны—тоже нравственное чувство, тотъ же нравственный законъ, тоже, соединенное съ сознаніемъ этого закона, чувство долга и ту же нравственную свободу, какія мы видѣли и во всякой человѣческой нравственности,—съ реальной: тѣ же субъективныя человѣческія блага или добродѣтели, не отдѣлимыя отъ блаженства, которыя, будучи разульгатомъ свободного исполненія нравственного закона, составляютъ въ свою очередь силу, совершающую добрыя внѣшнія дѣйствія и производящую тѣ же объективныя блага жизни, какія должны были бы составлять земное благоденствіе всякаго добродѣтельного человѣка.

Свящ. Писанію, правда, чужды выраженія: нравственная по-

требность, нравственное чувство, нравственный законъ, нравственная свобода съ ея видами; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя, хотя и немногочисленныя, изрѣченія новозавѣтиаго Слова Божія даютъ основаніе утверждать, что всѣ эти признаки и вмѣстѣ силы нравственнаго добра въ человѣческой природѣ Спасителя міра обнаруживались и развивались нормальнымъ образомъ.

И во первыхъ, что касается до нравственной потребности вообще, какъ врожденной человѣческой природѣ и обнаруживающейся въ чувствѣ добра, предполагающемъ и безсознательное стремленіе къ нему, то (если мы добро назовемъ вообще волею Божію,—требованіемъ того, чего требуетъ Самъ Богъ) существованіе такой потребности въ человѣческой природѣ Іисуса Христа прекрасно выражено имъ Самимъ въ словахъ къ ученикамъ, предложившимъ Ему пищу у Іаковлева колодезя въ Самаріи: *Моя пища, сказаль Онъ, слѣдовательно и Мой голодъ и жажда, или что тоже: Моя потребность, есть творить волю Пославшаго Меня и совершать дѣла Его* (Іоан. IV, 34).

Не смотря на то, что дѣланіе добра составляетъ пищу, слѣдовательно и духовное удовлетвореніе, радость Спасителя,—требованіе этого добра сознается Имъ въ тоже время какъ неотдѣлимое отъ сознанія нравственного закона чувство долга. *Минъ должно, говорить Онъ, дѣлать дѣла Пославшаго Меня, пока есть день* (Іоанн. IX, 4); *Минъ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему* (Лук. II, 49).

Изъ этихъ же изрѣченій Спасителя можно уже отчасти заключать, что нравственный влеченья Его человѣческой природы и требованія Его чувства долга совпадали не только съ Его обязанностями, какъ чрезвычайного Посланника въ мірѣ, какъ Искупителя міра, но и съ положительными нравственными требованіями Моисеева закона, для каждого человѣка, по учению Спасителя, обязательными дотолѣ, пока не прейдетъ небо и земля (Мате. V; 18). *Не думайте, внушалъ Онъ, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ; не нарушитъ пришелъ Я, но исполнить* (—17

ст.). Этотъ законъ, правда, Онъ Самъ исполнялъ и другимъ заповѣдалъ при Его помощи исполнять не такъ, какъ исполняли въ Его время книжники и фарисеи: *если праведность ваша, говориъ Онъ, не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ; то вы не войдете въ царство небесное* (— 20 ст.), но это различіе между іудеями и Имъ въ отношеніи къ Моисееву закону не то означаетъ, чтобы требованія этого закона не были исполняемы книжниками и фарисеями, или чтобы Онъ не считалъ исполненіе ихъ обязательными для Себя, а то, что Онъ лучше ихъ понималъ эти требованія и исполнялъ ихъ не только потому, что такъ предписывалъ *внѣшній* законъ, но и прежде всего потому, что того же требовало *Его внутреннее нравственное настроение*. Короче: Спаситель міра обладалъ нравственнымъ *чувствомъ* (слѣдовательно и влечениемъ), сознаніемъ внутренняго нравственнаго закона и, неотдѣлимаго отъ этого сознанія, *чувства долга*.

Но такъ какъ эти внутреннія обнаруженія нравственной потребности человѣческой природы развивались въ Немъ нормально: *Онъ не зналъ грѣха*, какъ свободнаго противоравственного хотѣнія, или дѣйствія (2 Кор. V, 21); то Онъ *не могъ* сознавать чувства *несогласія* своей воли съ требованіями нравственного закона; поэтому не могъ имѣть и того, что называется *совѣтію*, подъ которой и въ Словѣ Божиємъ и въ обыкновенномъ словоупотребленіи разумѣется сознаніе чувства не только согласія, но и *несогласія* воли съ нравственнымъ закономъ. Не этимъ ли объясняется то замѣчательное обстоятельство, что не только въ Евангеліяхъ, гдѣ о совѣсти только одинъ разъ упоминается въ отношеніи къ фарисеямъ (у Ев. Іоанна), но и въ посланіяхъ Апостольскихъ, гдѣ это понятіе часто встрѣчается въ смыслѣ и доброй и злой совѣсти, — оно нигдѣ не примѣняется къ лицу Спасителя¹⁾? Безусловно слѣдуетъ чистымъ движе-

¹⁾ Это можетъ, конечно, объясниться и тѣмъ, что и въ книгахъ Ветхаго Завѣта греческіе переводчики нашли только *одно* выраженіе, переведенное ими словомъ *совѣсть*, *сѹнѣбѹсъ* Еккл. X 20. Еще разъ встрѣчается это слово Премудр. Солом. XVI, 10; но эта книга первоначально писана, какъ извѣстно, не на еврейскомъ, а на греческомъ языке. Евреи вмѣсто *совѣсть* говорили: *сердце*.

ніямъ своего нравственного чувства, сознанію нравственного закона и неотдѣлимому отъ этого сознанія чувству долга, Спаситель во всякомъ частномъ случаѣ жизни каждую возникавшую предъ Нимъ нравственную задачу неуклонно разрѣшалъ согласно съ этимъ чувствомъ, сознаніемъ и закономъ, и не могъ, поэтому, не преуспѣвать болѣе и болѣе и въ развитіи самаго этого чувства и сознанія и въ пониманіи нравственного закона, а со всѣмъ этимъ и во всѣхъ истинно-человѣческихъ добродѣтеляхъ. Совершенно согласно съ ходомъ постепенного нормального развитія силъ человѣческой природы, Онъ, по свидѣтельству Слова Божія, какъ въ дѣтскомъ возрастѣ былъ *въ повиновеніи* у Матери своей по плоти и мнимаго отца (Лук. II, 51), постепенно преуспѣвалъ *въ премудрости и возрастѣ и въ любви у Бога и человѣковъ* (—52 ст.), такъ и въ посѣдѣющей земной своей жизни только постепенно пріобрѣталъ на выкъ въ добрѣ или добродѣтели; напр. *страданіями навыкъ послушанію*, хотя Онъ и Сынъ Божій (Евр. V, 8) и, бывъ искушенъ во всемъ кромъ грѣха, можетъ потому сострадать намъ *въ немощахъ нашихъ* (Евр. IV, 15), можетъ помочь и искушаемымъ (II, 18). Вообще можно сказать, что подобно тѣмъ совершиеннымъ людямъ, у которыхъ чувства навыкомъ пріучены *къ разумѣнію добра и зла* (Евр. V, 14), и Онъ только постепенно *навыкъ въ добрѣ.*

Но гдѣ есть нравственное чувство, сознаніе нравственного закона и чувства долга, гдѣ есть постепенность въ развитіи, какъ этихъ чувствъ и сознанія, такъ и навыка къ осуществленію добра, гдѣ есть наконецъ *искушеніе*, какое имѣль Спаситель міра въ земной своей жизни не только отъ свойствъ тѣлесной своей природы, источника всякаго рода физическихъ лишеній и страданій, неизбѣжныхъ среди грѣшнаго человѣчества, но и отъ чрезвычайныхъ дѣйствій діавола,—гдѣ есть одна возможность такого, *не мнимаго, фиктивнаго, а дѣйствительно сознаваемаго искушенія*; тамъ сама собою предполагается человѣческая нравственная *свобода*, какъ способность *столько же ко злу, сколько и къ добрѣ*, хотя эту

человѣческую свободу въ Лицѣ Спасителя міра, вслѣдствіе ипостаснаго единства въ Немъ Божества и человѣчества мы не можемъ мыслить иначе, какъ въ соединеніи съ идеально-доброй свободою. Подобно первому Адаму въ его невинномъ состояніи, и второй Адамъ не могъ не быть свободнымъ, т. е. способнымъ одинаково какъ къ добру, такъ и ко злу¹⁾). И если первый Адамъ не устоялъ противъ искушения, осуществилъ свою формальную свободу въ реально-зломъ смыслѣ и подвергъ себя и свое потомство въ рабство грѣху; то второй Адамъ среди искушений осуществилъ свою свободу въ идеально-добромъ ея смыслѣ и, побѣдивъ грѣхъ со всѣми его послѣдствіями для Себя, явился Освободителемъ всего человѣчества отъ рабства грѣху въ земной жизни и отъ всѣхъ его послѣдствій отчасти въ сей, а окончательно въ новой жизни среди новыхъ условій ея. Свободу Спаситель самъ понималъ только какъ нравственную, хотя и не опредѣлялъ ея частныхъ видовъ; именно, когда говорить своимъ слушателямъ: *если пребудете въ словѣ Моемъ: то познаете истину и истина сподѣлаетъ васъ свободными.* Гудеи поняли слово „свобода“ въ смыслѣ политической свободы и отвѣчали: *мы слышали Авраамово и не были рабами никому и никогда.* Но Иисусъ отвѣчалъ имъ: *всякий, дѣлающій ир҃хъ, есть рабъ ир҃ха... истинно свободны будете, если Сынъ освободитъ васъ* (Іоан. VIII, 31—36).

Такимъ образомъ всѣ формальные свойства нравственности человѣческой въ Лицѣ Спасителя міра, на основаніи Слова Божія, являются въ такой чистотѣ и въ такомъ совершенствѣ, степень которыхъ неизмѣрима для насъ уже потому, что наше нравственное

¹⁾ Неосуществленная пока ни въ добрѣ ни въ злѣ, эта свобода *невинного человѣка* можетъ быть названа *формальнымъ*, въ отличіе, какъ мы замѣтили въ первомъ чтеніи, отъ *реальной и идеальной*. Эта формальная свобода должна быть также принадлежностью и падшаго человѣка въ тотъ моментъ, когда онъ, подъ вліяніемъ *евангельской* или вообще *спасающей, христіанской благодати* (о чёмъ будетъ рѣчь въ послѣднемъ чтеніи), силою этой благодати поставляется въ *дѣйствительную возможность*—или обратиться ко Христу и къ добру, или законыть въ прежнемъ злѣ,—возможность, которой онъ безъ помощи *этой именно благодати*, безъ сомнѣнія, лишенъ.

сознание не свободно отъ сознанія грѣха, наше нравственное чувство извѣстно намъ только въ формѣ *совѣсти*, тогда какъ Спаситель міра не зналъ, слѣдовательно и не сознавалъ въ Себѣ *грѣха*, какъ свободного акта своей воли. Въ этомъ отношеніи Онъ не только какъ Богъ, но и какъ человѣкъ *превышаетъ силы нашего нравственного разумѣнія*.

Проявленіе нравственного добра съ его реальной стороны, въ Лицѣ Спасителя міра мы можемъ рассматривать съ тѣхъ же двухъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ мы рассматривали человѣческую нравственность вообще, подвести только подъ тѣ двѣ категоріи, или подъ тѣ два вида отношеній, въ которыхъ проявляется и развивается содержаніе нравственной потребности человѣческой природы, т. е. отношеній съ одной стороны между духовными и тѣлесными потребностями индивидуальной личности Христа Спасителя; съ другой— между Его индивидуальной личностью и другими личными существами.

Достоинство души человѣческой Спаситель ставитъ безконечно выше достоинства всего материального, всего міра (Мате. XVI, 26). Это достоинство выражается, какъ мы знаемъ, въ томъ, что она призвана владѣть и пользоваться всѣмъ материальнымъ и идеально въ видѣ знанія, эстетического образованія и всякаго рода практическихъ умѣній, и реально, какъ орудіемъ и материаломъ для удовлетворенія тѣлеснымъ потребностямъ человѣческой жизни,—что душа человѣческая призвана быть властію надъ міромъ и въ этомъ смыслѣ быть духомъ. И то и другое, и реальное и идеальное обладаніе и пользованіе міромъ Спаситель проявилъ въ безчисленныхъ фактахъ земной своей жизни.

Какъ истинный человѣкъ, Онъ усвоивалъ Себѣ знанія, возрастилъ въ премудрости, пріобрѣталъ практическіе навыки, развивалъ энергию своего духа, которая и проявлялась въ неустанной дѣятельности, въ непрерывномъ трудѣ; а какъ ипостасно соединенный съ Божествомъ, Онъ выражалъ это знаніе и эту energію въ такихъ размѣрахъ, которые превышаютъ человѣческія силы: Онъ зналъ не

только все видимое, но и невидимое, не только настоящее и прошедшее, но и будущее; повелевалъ воздуху и водѣ, исцѣлялъ болѣзни и воскрешалъ мертвыхъ, Самъ воскресъ изъ мертвыхъ и вознесся съ тѣломъ на небо, и такимъ образомъ явилъ въ Себѣ знанія и силу, для которыхъ все материальное, всѣ силы и законы природы были только покорнымъ орудіемъ.

Знаніе материальной природы, ея силъ и законовъ неотдѣлимо отъ эстетического образованія и власть надъ нею была бы безцѣльна, еслибы не выражалась и въ пользованіи ея благами. И мы видимъ, что Спаситель не былъ равнодушенъ къ красотамъ природы и какъ Самъ пользовался ея благами настолько, насколько это служило цѣли Его призванія на землѣ, такъ и другимъ содѣйствовалъ въ обладаніи и пользованіи ими. Земля и ея произведенія доставляли Емъ любимый материалъ для притчей (поле, сѣяніе и жатва, сѣмя горчицное, драгоцѣнныи жемчугъ, итицы небесныи, голубь и змій, овцы съ пастыремъ и т. под.); полевая лилія производила на Него впечатлѣніе красоты, какого не могла бы произвести вся роскошь Соломоновыхъ одеждъ; Онъ не только не пренебрегаетъ драгоцѣннымъ благовоніемъ, которое расточила для Него благодарная любовь помилованной грѣшницы, но и защищаетъ эту трату отъ упрека въ расточительности; чудесами укрощенія бури и волнъ морскихъ, грозившихъ опасностю жизни, безчисленными исцѣленіями больныхъ, неоднократнымъ воскрешеніемъ мертвыхъ Спаситель свидѣтельствуетъ, что жизнь и здоровье тѣла, съ сопровождающимъ ихъ чувствомъ благосостоянія, находятся въ естественной связи съ нормальнымъ достоинствомъ человѣка, что въ ихъ сохраненіи и возстановленіи выражались преимущественно божественное всемогущество и любовь. На бракѣ въ Канѣ Галилейской Господь удостоиваетъ явить чудо всемогущества своего, чтобы собравшимся на семейное торжество доставить и такое физическое удовольствіе, которое выходило за предѣлы необходимаго удовлетворенія жажды; Онъ защищаетъ учениковъ, въ субботній день удовлетворявшихъ потребности пищи колосьями съ поля; пользуется своимъ всемогуществомъ, чтобы цѣлья

тысячи своихъ соплеменниковъ питать хлѣбомъ и рыбою, обыкновенною между ними пищею, и Самъ раздѣляетъ съ ними эту трапезу; въ отношеніи къ удовлетворенію потребности питанія, Онъ такъ далекъ былъ отъ пренебреженія ею, что не отказывался раздѣлять и богатую трапезу съ заслуживающими того соплеменниками и не смущался тѣмъ, что многие Его называли ядцей и пійцей (Мате. XI, 19). Короче: Спаситель являетъ Себя властелиномъ природы въ томъ смыслѣ, что знаетъ ея силы и законы и владѣеть ими, сочувствуетъ красотѣ ея, и пользуется ею какъ орудіемъ земнаго благосостоянія; во всемъ же этомъ вмѣстѣ Онъ являетъ нравственное достоинство своей не только Божественной, но и человѣческой природы.

Если же это достоинство, обусловливаемое не однимъ только пользованіемъ земными благами, требуетъ отреченія отъ нихъ во имя другихъ, высшихъ нравственныхъ интересовъ, тогда Спаситель и Самъ являетъ и другимъ заповѣдуетъ строгое самоотверженіе, т. е. опять *полную власть* надъ требованіями душевно-тѣлесной природы своей, а чрезъ нее и надъ самыми внѣшними благами.

Принявъ на Себя изъ любви къ человѣчеству, и для удовлетворенія божественной правдѣ, земное званіе странствующаго учителя, а потому не обладая никакою недвижимою собственностью, не имѣя иногда, гдѣ преклонить голову, нуждаясь по временамъ въ пищѣ и питьѣ, Онъ никогда не смущается заботою объ удовлетвореніи всѣхъ этихъ тѣлесныхъ потребностей: или приемлетъ то, что Ему добровольно предлагается благодарная любовь къ Нему, или же спокойно переносить всякое лишеніе, утомленіе, страданіе. Эта власть надъ всѣми движеніями своей душевно-тѣлесной природы, вызываемыми всякаго рода лишеніями и оскорблѣніями,—это мужество, самообладаніе и самоуваженіе выражаются въ ясности, твердости и обдуманности всякаго Его слова, котораго Онъ никогда не измѣняетъ, всякаго поступка, въ которомъ Онъ никогда не имѣеть нужды раскаяваться; даже тогда, когда наивысшее изъ земныхъ золъ, именно—предсмертная агонія, усиленная самыми позорными

и для грешного человѣка, мученіями, когда и самая смерть наступаетъ для Него и предатель, окруженный Его врагами, уже приближается къ Нему,—Его ясность и спокойное самообладаніе ни на одну минуту не колеблются; съ сознаніемъ Своего достоинства и вмѣстъ съ ничѣмъ невозмутимою кротостію Онъ идетъ на встрѣчу Своимъ врагамъ; среди допросовъ и страданій у первосвященниковъ и Пилата говорить или молчать, смотря потому, что признаетъ сообразнымъ съ волею Божіею; протестуя противъ оскорблений, нанесенныхаго Ему дерзкою рукою слуги Первосвященника, Самъ отнюдь не выступаетъ изъ блаженнаго состоянія Своей внутренней чистоты и мира; ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ вынудить у Себя ни одного слова, которое бы не отвѣчало Его убѣжденію и которое нужно было бы извинять тяжелыми и необычайными обстоятельствами. Такая ясность и твердость духа, такое мужество въ Спасителѣ не то, конечно, означаетъ, что въ Немъ, подобно стойческимъ мудрецамъ, притуплена была воспріимчивость къ страданіямъ или что Онъ хотѣлъ выставлять на показъ Свое равнодушіе къnimъ, а то, что Онъ, не смотря на всю вполнѣ сознаваемую и испытываемую Имъ безпримѣрную тяжесть мученій, въ Себѣ Самомъ носиль источникъ высшаго духовнаго счастія, былъ Личностю, духомъ, былъ властію надъ своими душевно-тѣлесными состояніями, однимъ словомъ былъ, такъ сказать, воплощенною аскетическою добродѣтелю, отъ которой не отдѣлимъ внутренній миръ, глубоко внутреннее удовлетвореніе и блаженство, несокрушимыя никакими вѣшними бѣдствіями.

Любовь и правда по отношенію къ другимъ личностямъ и прежде всего къ Богу, какъ Виновнику всякаго бытія и всѣхъ законовъ его, дающія новое содержаніе и новую силу аскетической добродѣтели, являются въ жизни Спасителя также въ совершенствѣ, которое составляетъ вѣчный идеалъ для всего человѣчества.

Мысль объ Отцѣ Небесномъ и общеніе съ Нимъ не оставляетъ Спасителя ни на одну минуту Его земной жизни; прославленіе Отца въ мірѣ есть единственная цѣль этой жизни; Его воля—един-

ственний законъ ея во всѣхъ ея обстоятельствахъ, и радостныхъ и тяжелыхъ; вся земная жизнь Спасителя міра, по колику Онъ мыслится по человѣческой Его волѣ, есть ничто иное, какъ одинъ актъ безусловнаго послушанія, безотвѣтной покорности волѣ Отца Небеснаго или лучше: одинъ актъ *выраженія этой воли*. Такимъ образомъ общеніе съ Богомъ или любовь къ Нему, выражашающіяся въ безусловной покорности Его волѣ, какъ Творцу и Законодателю Своему, или, что тоже, любовь, не отдѣлимая отъ правды по отношенію къ Нему: вотъ сущность отношенія Спасителя, по Его человѣческой природѣ, къ Отцу Своему, или Его религія. Молитва къ Отцу, поэтому служила для человѣческой природы Спасителя однимъ изъ наиболѣе естественныхъ и безпрепятственныхъ выраженій общенія Его съ Богомъ, наивысшимъ услажденіемъ Его земной жизни въ радостные ея моменты и наилучшимъ утѣшениемъ и поддержкою въ скорбныхъ ея обстоятельствахъ. Въ самыя тяжелыя минуты Своихъ страданій на крестѣ, когда внѣшняя тьма, тѣлесныя муки и внутренняя страданія соединились, чтобы поколебать сердце Спасителя въ Его преданности долгу, когда Онъ, умирая смертію грѣшника и за всѣхъ грѣшниковъ, не смѣлъ чувствовать близости къ Себѣ Отца Небеснаго и долженъ былъ испытать и это тягостнѣйшее состояніе грѣшнаго человѣчества—ознаніе того, что Богъ оставилъ Его,—и въ эти минуты мысль Спасителя обращена къ Отцу; Онъ вспоминаетъ къ Нему, какъ *своему* Богу, и умирая спокойно, передаетъ въ Его руки Свою душу. Болѣе крѣпкой любви къ Богу, чѣмъ самая смерть, и болѣе высокой правды, чѣмъ та, какую исполнила любовь Воплотившагося, принесши Себя въ жертву за грѣхи человѣчества и тѣмъ удовлетворивши Божественному правосудію, человѣческая мысль не можетъ измыслить никакой любви и никакой правды по отношенію къ Богу.

Но любовь и правда по отношенію къ Богу не отдѣлимы отъ тѣхъ же свойствъ по отношенію ко всему, что носить на себѣ образъ Божій, особенно же къ человѣчеству.

Что такое любовь къ людямъ и что она можетъ сдѣлать для

нихъ, объ этомъ мы знаемъ, по слову возлюбленнаго ученика Христова, только въ Лицѣ Иисуса Христа (1 Ioan. III, 17; XVI, 23). Любовь побуждаетъ Его оставить мирное убѣжище въ Назаретѣ и вступить на полный скорбей путь общественной дѣятельности, который несомнѣнно ведеть къ Голгоѳѣ; она собираетъ около Него учениковъ, съ терпѣнiemъ переносить ихъ невѣдѣніе и слабости, обращается прежде всего къ страждущимъ и обремененнымъ, къ грѣшникамъ, мытарямъ и прелюбодѣйцамъ и ко всѣмъ, кто находится въ презрѣніи и уничиженіи; но не пренебрегаетъ и фарисеями, готова бесѣдовать съ ними и даже раздѣлять ихъ трапезу въ надеждѣ, не поймутъ ли и они часть спасенія своего; любовь съ одной стороны—благословляетъ дѣтей, радуется съ радующимися, съ другой — плачетъ съ плачущими, исцѣляетъ прокаженныхъ и одержимыхъ злыми духами, воскрешаетъ мертвыхъ, чтобы возвратить ихъ пораженнымъ скорбию ихъ роднымъ и близкимъ; она заставляетъ Спасителя съ одной стороны понести все на Себѣ, что есть самаго тяжелаго и удручающаго въ жизни грѣшнаго человѣчества, съ другой—высоко цѣнить, принимать и защищать отъ нареканій самое скромное, но теплое выраженіе привязанности къ Нему, оказываемое ему облагодѣтельствованными имъ (Лук. VIII, 44—46). Но эта любовь, выражаящаяся во всѣхъ возможныхъ видахъ благожелательности, — въ страданіи и сорадованіи ближнему, въ милосердіи къ нему и служеніи его благу даже до по жертвованія своею жизнью,— не расточается въ изліяніи чувствованій, въ ласковыхъ словахъ и рѣчахъ, не изобрѣтає искусственныхъ способовъ своего проявленія; и при всемъ томъ какая глубина чувства и вмѣстѣ сколько неподражаемой нѣжности въ прощальной бесѣдѣ Спасителя съ Своими учениками, въ Его поученіи о Матери среди страданій на крестѣ, въ обращеніи Его съ измѣнившимъ Ему Петромъ, по воскресеніи, — въ свиданіи съ Марию!

Но любовь къ ближнимъ, какъ влеченіе къ общенію съ ними въ трудахъ, радостяхъ и скорбяхъ жизни, неотдѣльна, въ своемъ

проявлениі, отъ правды, примѣняется къ обстоятельствамъ и отношеніямъ жизни каждого изъ нихъ; она не есть слѣпое чувство, вытекающее только изъ тождества сущности духовной природы людей, но есть вмѣстѣ и осмысленное сознаніемъ права и справедливости по отношенію къ нимъ, разумно-оцѣнивающее какъ индивидуальные свойства и права каждого изъ нихъ, такъ и общее ихъ благо, и не терпящее въ общеніи съ ними никакой лжи и никакихъ пристрастій.

Объемля собою весь человѣческій родъ, любовь не знаетъ никакого различія между нравственною природою іудея и язычника, обрѣзанного и необрѣзанного, раба и свободного; и однакоже не обращается въ космополитизмъ и отвлеченную гуманность, въ отсутствіе чувства національности и оцѣнки личныхъ качествъ и особенностей. Не смотря на то, что родной народъ не приемлетъ Спасителя своего, что *не славенъ пророкъ въ отечествѣ своемъ*, истинный пророкъ не бѣжитъ тотчасъ изъ отечества за границу, чтобы оттуда бросать камень въ него, или спасать другой народъ; но съ терпѣніемъ переносить предразсудки и ожесточеніе, хотя и ослѣпленного, но родного своего народа; прощаетъ прежде всего ему царствіе Божіе, и для распространенія этой проповѣди въ мірѣ предпочитаетъ медленный, но естественный путь постепенного перехода отъ одного народа къ другому. И внутри самаго израильскаго народа не всѣ соплеменники Спасителя пользуются одинаковою степенью довѣрія и близости общенія съ Его стороны; не всякаго, кто приближается къ Нему, Онъ тотчасъ принимаетъ какъ Своего приснаго и друга, но очень ясно отличаетъ тѣхъ, кто решается навсегда соединить свою судьбу съ Его судбою, или сдѣлаться истиннымъ Его ученикомъ или ученицею, отъ народной массы, которая то притекаетъ къ Нему, то отдалается отъ Него. Какъ Своими учениками Онъ дѣлаетъ не всякаго слушателя Своего, такъ и изъ этихъ учениковъ не всякому даетъ полномочіе и проповѣдывать Его царство, во имя Его крестить, вязать или разрѣшать грѣхи. Но и среди самыхъ избранныхъ учениковъ Его одни польз-

зуются большимъ, другіе—меньшимъ довѣріемъ и близостію (70 и 12 учениковъ и семейство Лазаря); и изъ ближайшихъ къ Нему только Петръ, Іаковъ и Іоаннъ пользуются преимущественнымъ Его довѣріемъ; наконецъ и изъ этихъ трехъ учениковъ, только одинъ удостоивается особенной Его любви. Такъ *suum cuique*: правда, или, что́ тоже: проявленіе различныхъ степеней и формъ въ самой любви, т. е. въ самомъ общеніи съ близкими, соответствующихъ не однакому достоинству любимыхъ лицъ; или же на оборотъ: любовь, не отдѣлимая отъ сознанія различныхъ индивидуальныхъ особенностей любимыхъ лицъ, и соотвѣтственное съ симъ, такъ сказать, группированіе и организація ихъ въ царствѣ Божіемъ составляетъ существенный элементъ нравственного настроения Спасителя по отношенію къ людямъ.

Гдѣ же правда является въ формѣ положительного права, обычного или писанного закона, тамъ уваженіе къ этому закону, слѣдовательно и къ юридическимъ правамъ и обязанностямъ каждого составляетъ и для Спасителя долгъ, которому Онъ, не смотря на то, или лучше именно потому, что Онъ Самъ сознаетъ Себя не только человѣкомъ, но и Господиномъ всѣхъ людей и всѣхъ законовъ въ мірѣ,—повинуется безпрекословно, какъ гражданинъ общества человѣческаго, какъ членъ народа своего. Такъ: искавшихъ у Него суда по вопросу о наслѣдствѣ Онъ приглашаетъ обратиться къ тѣмъ лицамъ, которыхъ закономъ поставлены судіями въ этомъ дѣлѣ (Лук. XII, 14); исцѣленныхъ Имъ прокаженныхъ отсылаетъ къ священникамъ, которые закономъ обязаны освидѣтельствовать тѣхъ, кто послѣ заразительной болѣзни можетъ возвратиться въ общество (ХVІІ, 14), вообще: Кесарю заповѣдуется возвращать то, что принадлежитъ Кесарю. Но и Богу Онъ и Самъ воздаетъ и другимъ заповѣдуется возвращать то, что Богу принадлежитъ; исполняеть всѣ не только ясныя предписанія Моисеева закона, но и тѣ обычаи Еврейскаго народа, которые не были противны откровенному законодательству. Такъ Онъ не только соблюдаетъ съ точностью всѣ требования Моисеева закона относительно

обрѣзанія, очищенія, жертвъ и омовенія, но и вмѣстѣ со всѣми соплеменниками, слушавшими проповѣдь Иоанна Крестителя и спѣшившими креститься отъ него во Іорданѣ въ знакъ покаянія и вѣры въ настоящее всемирное царство Мессіи,—и Онъ, Царь этого царства, пріемлетъ крещеніе отъ Иоанна, чтобы, если не за Себя, то за все человѣчество исполнить всякую правду. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда Онъ, повидимому, отмѣняетъ иѣкоторыя постановленія Моисеева закона, производить въ немъ, выражаясь современнымъ языкомъ, реформы, Онъ не нарушаетъ законъ, а только возстановляетъ его смыслъ и силу, а вмѣстѣ съ этимъ возстановляетъ и защищаетъ права Бога и народа, попираемыхъ книжниками и фарисеями. Называя Себя Господиномъ и субботы напр., Онъ не приписываетъ Себѣ, какъ человѣку, того, что принадлежитъ Богу, а выражаетъ только то, что суббота есть день отдыха и покоя, Самимъ Богомъ назначенный въ пользу трудящагося въ потѣ лица человѣка, есть символъ его примиренія съ Богомъ и людьми, его искупленія и освобожденія отъ всѣхъ золъ земной жизни, и что, лишая народъ этого благословенія Божія, даниаго ему въ субботѣ, фарисеи восхищаются себѣ право, которое не принадлежитъ имъ, и отнимаютъ его у народа, которому оно дано. Точно также и очищая храмъ отъ торговцевъ и мѣняль, Спаситель не ставить Себя на мѣсто Бога и не присвоиваетъ Себѣ божественныхъ правъ, а защищаетъ права Бога и народа на приличіе и тишину въ святилищѣ, безъ которыхъ невозможны общественная молитва и благоговѣйное жертвоприношеніе. Праву же Божественному удовлетворяетъ Онъ, какъ уже сказано, и всего своею земною жизнью, неся на Себѣ ничтѣмъ не заслуженные скорби и страданія, особенно же умирая смертию грышника; ибо Богъ, какъ Творецъ, Законодатель и Промыслитель разумной твари, имѣеть право на свободное ея повиновеніе Его волѣ, которое есть вмѣстѣ и вѣчное благо самой твари, а следовательно и на соответствующее наказаніе этого, попирающаго волю Божію, созданія; ставъ во главѣ падшаго человѣчества, Спаситель долженъ былъ испить всю чашу страданій

этого человѣчества, чтобы ни одна юта Божественного права не осталась неисполненою.

Что касается въ частности до правдивости или вообще до справедливости въ отношеніи къ ближнимъ, то свидѣтельство Апостола, что *не было лести во устахъ Его* (1 Петр. II, 22), подтверждается всѣми рѣчами и всѣмъ поведеніемъ Спасителя въ отношеніи къ ученикамъ Его и ко всему народу. Ни предъ кѣмъ Онъ не скрываетъ и не умаляетъ истины, какъ бы ни горька была она для слушателей Его; призывая человѣчество въ Свое царство, Онъ не обѣщаетъ золотыхъ горъ на землѣ, но указываетъ прежде всего на внутреннее блаженство, неразрывно-связанное въ измѣненіемъ злого направленія воли на доброе, и выставляетъ на видъ земныхъ жертвы, которая долженъ принести всякий, кто хочетъ вступить съ Нимъ въ дѣйствительное общеніе; и прежде чѣмъ кто либо рѣшился послѣдовать за Нимъ, предлагаетъ ему подумать, готовъ ли и способенъ ли онъ къ этимъ жертвамъ. Тотъ же Спаситель, который такъ любить и такъ ублажаетъ своихъ ближайшихъ учениковъ, поколику въ нихъ проявляется желаніе слѣдовать за Нимъ, строго обличаетъ ихъ маловѣріе и другіе нравственные недостатки, какъ скоро они открываются въ нихъ; тотъ же Спаситель, который плачетъ съ сестрами Лазаря по сочувствію къ немъ, не благодарить за сочувствіе къ Себѣ женщинъ, плакавшихъ о Немъ, когда Онъ несъ крестъ на раменахъ Своихъ, но обращаетъ вниманіе на предстоящую имъ и ихъ потомству бѣдственную участъ; желая всѣхъ грѣшниковъ привлечь въ Свое общеніе, не щадить однако же обличеній ни для вождей народныхъ, для фарисеевъ и саддукеевъ, ни для всего народа. Если же Онъ обращается по преимуществу съ мытарями и грѣшниками и, повидимому, оставляетъ безъ вниманія считающихъ себя праведными, то не по предубѣждению противъ послѣднихъ и не по пристрастію къ первымъ, а потому, что эти чувствуютъ нужду во врачѣ, которой тѣ не хотятъ сознать и потому остаются неспособными къ возрожденію. Если Онъ произноситъ горе всѣмъ богатымъ, пресыщеннымъ, смѣющимся (Лук. VI,

24. 25), то не потому, чтобы ихъ богатство и радости сами по себѣ были предосудительны въ Его глазахъ, а потому, что отдавшись чувственной и эгоистической жизни, они утратили способность къ духовнымъ сокровищамъ, къ радостямъ мирной совѣсти въ общении съ Богомъ, который для нихъ не имѣютъ никакого значенія. Если Онъ, поэтому, вину своихъ соплеменниковъ ставить выше вины Содома и Гоморры, Тира, Сидона и Ниневіи, и если напротивъ незначительное выражение искренней любви, оказанное самому малому въ Его царствѣ (Мате. X, 12), Онъ обѣщаетъ не оставить безъ вѣчной награды,—то во всемъ этомъ выражается только святая правда, непреложные законы нравственной жизни. Самая притча: о работникахъ въ виноградникѣ, получившихъ одинаковую награду, несмотря на то, что одни работали съ ранняго утра, а другіе призваны были уже въ одиннадцатый часъ, или—о получившихъ разные таланты и пріобрѣтшихъ на нихъ не одинаковую прибыль и однако же одинаково награжденныхъ,—притчи, въ которыхъ любовь и правда, повидимому, не мирятся между собою, выражаютъ однако же идею самой строгой справедливости, которая цѣнить не количество и не продолжительность работы, не зависѣвшія отъ работниковъ, а готовность ихъ къ работѣ, вѣрность въ ней, послушаніе Божественному зову,—все равно: много или мало оказалось времени или средствъ для этой работы.

Такъ, съ какой бы стороны нравственности ни рассматривалась земная жизнь Спасителя міра, въ ней выражается наивысшее удовлетвореніе общей всемъ людямъ нравственной потребности ихъ природы; потому-то Лицо Спасителя міра такъ близко, дорого и священно всѣмъ, въ комъ еще не совсѣмъ погасли истинно-человѣческія, нравственные стремленія, эти слѣды въ нась образа Божія; отъ того-то никакія усилія критики, лишенной нравственного чувства, не въ состояніи ослабить неотразимое впечатлѣніе свѣта и жизни, которое вѣсть о Спасителѣ міра производить на отдѣльныхъ людей и на цѣлые народы.

Куда бы ни проникла и гдѣ бы ни была принята эта вѣсть,

вотъ уже около двухъ тысячъ лѣтъ распространяющаяся по землѣ, вездѣ она, оживляя врожденные человѣку задатки нравственныхъ силъ и возбуждая его къ сознанію себя личностю, духомъ, царственною властю надъ всѣмъ материальнымъ, постепенно освобождаетъ человѣка отъ рабства слѣпымъ силамъ внѣшней и страстямъ собственной его животной природы, располагаетъ къ совершенствованію самопознанія и знанія законовъ жизни внѣшней природы, къ увеличенію всякаго рода умѣнья въ обладаніи и пользованіи ея благами, возвышаетъ и облагороживаетъ искусство и разрушаетъ въ конецъ суевѣрія, идолопоклонство, многобожіе и вообще господствующій во всемъ языческомъ мірѣ натурализмъ въ религії. Водворя же въ сердцѣ человѣка радости чистаго нравственнаго чувства—блаженство мира съ Богомъ и съ собою и представляя всѣхъ людей, какъ дѣтей одного Отца небеснаго, тождественныхъ по сущности своей природы не только между собою, но и съ человѣческою природою Единороднаго Сына Божія и Спасителя міра, христіанское благовѣстіе съ одной стороны даетъ значеніе достоинству каждого человѣка, какое бы ни занималъ онъ положеніе въ обществѣ, и какими бы ни обладалъ индивидуальными особенностями, располагаетъ всѣхъ къ глубокому уваженію взаимныхъ правъ и обязанностей и тѣмъ полагаетъ прочныя и благотворныя основанія для союза семейнаго и общественнаго; съ другой одушевляетъ людей любовью, простирающеюся до самопожертвованія тамъ, где дѣло идетъ о благѣ ближняго и всего общества; съ той и другой стороны вмѣстѣ евангеліе вездѣ пролагаетъ путь къ улучшенію участія невинно-угнетенныхъ и нуждающихся, слабосильныхъ и больныхъ и окончательно уничтожаетъ рабство, въ какія бы общественные отношенія оно ни проникло: между побѣдителями и побѣженными народами, или между богатыми и бѣдными классами одного и того же народа, или между мужемъ и женою, или между родителями и дѣтьми.

И какъ бы долго ни продолжалось существованіе рода человѣческаго въ настоящихъ земныхъ условіяхъ, вѣсть о Спасителѣ

міра, а съ нею и обновленіе всегда рождающихся съ злыми наклонностями поколѣній будеть продолжаться до скончанія вѣка. Исполнивъ всю волю Отца Своего для искупленія человѣчества и Свою жизнью побѣдивши смерть, Спаситель предстоитъ нынѣ, по выражению св. апостола Павла, предъ Лицемъ Божіимъ, какъ вѣчный Первосвященникъ, какъ Ходатай Нового Завѣтта (Евр. IX, 15. 24. I, 3), Своимъ ходатайствомъ и силою ниспосланного Имъ отъ Отца Святаго Духа, непрестанно обновляющій человѣчество.

Какъ совершается обновленіе отдѣльного человѣка, или что тоже: какъ онъ дѣлается христіаниномъ,—отвѣтъ на этотъ вопросъ имѣть быть предложенъ въ слѣдующемъ чтеніи, которое будеть и послѣднимъ.

Чтеніе четвертое:

ученіе объ усвоеніи духа Христова падшимъ человѣчествомъ при дѣйствіи благодати: а) призывающей къ вѣрѣ во Христа, б) оправдывающей и в) освящающей вѣрующихъ.

Мм. Гг.

Приготовляя вниманіе ваше къ сегодняшнему отвѣту на вопросъ—что значитъ быть христіаниномъ, въ третьемъ чтеніи я съ одной стороны указалъ: на свободное самопоработченіе падшаго человѣчества эгоизму и чувственности; на утрату въ немъ не только нравственного чувства, но и дѣйствительной свободы, одинаково сильной какъ къ добру, такъ и ко злу; на утрату или поврежденіе, вслѣдствіе этого, самого понятія о добрѣ и злѣ, какъ о свободно созидаемомъ и неотъемлемомъ отъ человѣка духовномъ настроеніи, и наконецъ на бѣдствія индивидуального и общественнаго существованія, какъ на неизбѣжное проявленіе нравственно-испорченного внутренняго настроенія человѣка; съ другой же стороны я попытался обозначить основныя черты человѣчески-нравственнаго добра и совершенства въ Лицѣ Богочеловѣка Христа Спасителя, насколько

онъ могли проявиться въ условіяхъ земной жизни среди нравственныхъ и материальныхъ бѣствій человѣчества и ради спасенія его,— и заключилъ чтеніе указаніемъ на то, что Спаситель нашъ, явивши Собою нравственное добро на землѣ, какъ его понимаетъ самъ Богъ, и, принесши Себя, какъ чистую, непорочную Жертву вѣчному Правосудію за грѣхи человѣчества, предстоить нынѣ и человѣческою своею природою одесную престола величія на небесахъ, предъ Лицемъ Божіимъ, какъ вѣчный Ходатай и Первосвященникъ, очищающій грѣхи и обновляющій жизнь всякаго вѣрующаго въ Него.

Свою жизнію на землѣ, смертію, воскресеніемъ, вознесеніемъ на небо, ниспосланіемъ Св. Духа на апостоловъ въ день Пятидесятницы, основаніемъ Церкви и Своимъ вѣчнымъ ходатайствомъ за нее предъ Лицемъ Бога, Христосъ Спаситель, и какъ человѣкъ и какъ Единородный Сынъ Божій, открылъ земному человѣчеству всю о немъ волю Божію; указалъ ему тотъ единственный путь, который для него есть вмѣстѣ и вѣчная истина и истинная вѣчная жизнь; уготоваль трапезу, брачный пиръ, царствіе, къ которому съ тѣхъ поръ не перестаетъ призывать, по Своему изволенію и въ благопріятное для того время, то тотъ, то другой народъ, то того, то другаго отдѣльного человѣка, для ихъ единствено-возможнаго счастія на землѣ и для вѣчнаго блаженства на небѣ,— и это призваніе будетъ продолжать дотолѣ, пока не наполнится весь домъ божественнаго Домовладыки міра— Его Церковь на землѣ.

Чтобы быть христіаниномъ, для этого прежде всего необходимо быть призваннымъ къ жизни по образу Христа въ общении съ Нимъ и Его послѣдователями: къ Церкви Христовой, къ земному царствію Христову. Мы всѣ уже имѣемъ счастіе быть призванными къ этому. Самое название общества послѣдователей Христовыхъ: *Еκκλησіѧ*,—на томъ языкѣ, на которомъ преимущественно апостолы призывали людей къ царствію Божію, — означаетъ общество именно *призванныхъ*. Что же выражается этимъ словомъ: *призваніе*? .

Чтобы понять, что это за дѣйствіе, будемъ помнить, что оно

первоначально обращено было и доселѣ, когда дѣло идетъ о вступлении въ Церковь невѣрующихъ, обращается только къ тѣмъ, кто вѣръ Церкви и кто не позналъ еще Спасителя. Св. апостолы—эти самовидцы и служители Слова, которое отъ вѣка было у Бога, когда они въ день Пятидесятницы удостоились даровъ Св. Духа и когда, кромѣ нихъ и ихъ немногочисленныхъ друзей, весь міръ состоялъ не изъ христіанъ, а изъ іудеевъ и язычниковъ, обратились съ призваніемъ именно къ этимъ іудеямъ и язычникамъ. Что же значило для іудеевъ и язычниковъ быть призванными къ Царствію Христову?

Это означало услышать *Евангелие*, благую вѣсть—проповѣдь о Распятомъ и Воскресшемъ, съ какою напр. св. ал. Петръ обратился къ іудейскому народу тотчасъ по сошествіи Св. Духа на апостоловъ, и какую потомъ апостолы, какъ устно, такъ и чрезъ посланія, какъ словомъ, такъ и дѣломъ, не переставали распространять въ теченіе всей ихъ жизни;—ту же самую проповѣдь, которая и до нынѣ слышится въ словѣ и жизни не только истинныхъ учителей и служителей церкви, но и всякаго живаго христіанина. Это означало слышать, что есть живый, личный Богъ, котораго люди забыли и потому гибнутъ и нравственно и материально; что Онъ не помнить болѣе преступлений человѣчества и не хочетъ его погибели, но хочетъ всѣмъ спастись и въ разумѣ, пониманіе истины прийти; что Онъ такъ возлюбилъ міръ, что Сына Своего Единороднаго отдалъ въ очистительную жертву за грѣхи мира; что въ жизни этого Сына на землѣ явилось добро, какъ его понимаетъ Самъ Богъ, и побѣждено зло, какъ его создало въ себѣ человѣчество; что отдавшись водительству этого Сына и ниспосланнаго Имъ отъ Отца Святаго Духа, человѣкъ и на землѣ найдеть жизнь, полную глубокой отрады, внутреннее царствіе Божіе, къ которому всѣ прочія земные блага приложатся сами собой, и въ будущей жизни раздѣлить съ Своимъ Спасителемъ славу Его блаженнаго безсмертія.

Быть призваннымъ значить по волѣ Божіей оказаться въ сфе-

рѣ дѣйствія евангельской проповѣди, въ сферѣ оглашенія — живаго слова о Богѣ и Его дѣлахъ, о человѣкѣ въ его настоящемъ состояніи и будущей судьбѣ, и обо всемъ домостроительствѣ нашего спасенія; — въ чинѣ тѣхъ оглашеннѣхъ, но еще некрещеныхъ, о которыхъ до сей поры въ церкви слышатся молитвы за литургію оглашеннѣхъ, и которые, какъ еще не оправданные и не освященные не могутъ участвовать въ великихъ Таинствахъ Церкви.

Слово Божіе, Евангеліе, благая вѣсть о Распятомъ и Воскресшемъ, чрезъ кого бы она ни доходила до слуха невѣдущихъ Бога, чрезъ апостоловъ ли, или чрезъ всякаго живаго христіанина при его сношеніяхъ съ нехристіанами, есть первое орудіе той божественной силы, которую мы назвали особеною, или христіанскою благодатію, благимъ, ничѣмъ со стороны человѣка не заслуженнымъ и независящимъ отъ его воли даромъ¹⁾. Достигая до слуха людей, оно есть не звукъ только, но, какъ говорить самъ Спаситель, *духъ и жизнь* (Іоан. VI, 63), или какъ говорить св. ап. Павелъ, *есть мечъ духовный, живое и дѣйственное явленіе силы* (Еф. VI, 17); *вселяясь въ насъ обильно* (Кол. III, 16), пребывая въ насъ (Іоан. VI, 38), оно есть *спъмъ*, изъ котораго, по слову Спасителя, выростаетъ царствіе Божіе (Мате XIII, — сн. 1

¹⁾ Еврейское *гени*, *гесетъ*, греческое *χάρις*, латинское *gratia* имѣли довольно разнообразное значеніе въ древнемъ еврейскомъ и классическомъ мірѣ. Въ Новомъ Завѣтѣ слово: *благодать* — получило двоякое значеніе: а) божественнаго свойства б) божественнаго дара или силы, дѣйствующей ко спасенію. Дѣйствія благодати въ силу заслугъ Искупителя, какъ спасающей силы Божіей или какъ дара Св. Духа, независимаго и отличного отъ духовныхъ силъ самого падшаго человѣка,—отъ его разума, свободы и совѣсти, и разумѣются здѣсь, гдѣ идетъ рѣчь объ орудіяхъ христіанской благодати, въ отличіе отъ всеобщей или промыслительной благодати, которой мы коснулись въ третьемъ чтеніи. Этихъ понятій, кажется, не разграничиваетъ и преосв. Феофанъ, глубже всѣхъ нашихъ богослововъ касающійся вопроса объ отношеніи благодати къ свободѣ въ падшемъ человѣкѣ. Познакомившись съ его сочиненіемъ: «Путь къ спасенію», я съ радостію встрѣтилъ въ немъ многія мысли, которая считалъ за правильныя. Нѣкоторыя изъ этихъ мыслей съ глубокою благодарностію къ автору привожу буквально въ этомъ чтеніи.

Іоанн. III, 9), и оно-то прежде всего *роднитъ* нашъ духъ съ духомъ Христовымъ (Мате. XII, 41 — 50); оно-то, слово истины, прежде всего и *очищаетъ и возрождаетъ насъ* (Іоан. XV, 3; Іак. I, 18) и низводить на насъ Духа Святаго (Галат. III, 2); потому-то и христіане называются *возрожденными не отъ тленного стыдни, но отъ нетленного, отъ слова Божія, живаго и пребывающаго во вѣкѣ; а это и есть то слово, говорить св. Апостоль, которое вамъ проповѣдано* (1 Петр. I, 23—25). Короче сказать: оно есть сила Божія ко спасенію всякому вѣрующему (Римл. I, 16). И гдѣ нѣтъ дѣйствія этой силы, гдѣ нѣтъ слова о Христѣ и гдѣ нѣтъ слышащихъ это слово, тамъ нѣтъ и никакого призванія ко Христу: *какъ вѣровать въ Того, о комъ не слыхали? Какъ слышать безъ проповѣдующаго* (Римл. II, 14)?

Что же производитъ евангельское слово въ человѣкѣ, не вѣдущемъ Христа, призываюмъ ко Христу? На это можно было бы отвѣтить прямо: *покаяніе и вѣру*; потому что первыя слова какъ Іоанна Крестителя были: *покайтесь... се Агнецъ Божій, который беретъ на себя грехъ міра* (Мате. III, 2; Іоан. 1, 29), такъ и Спасителя: *покайтесь и вѣруйте въ Евангелие; приблизилось Царство Божіе* (Марк. I, 15)! Но прежде, чѣмъ говорить о покаяніи и вѣрѣ, мы не должны забывать, что человѣкъ самъ по себѣ не можетъ ни каяться, ни вѣровать *во Христа*, и притомъ каяться и вѣровать такъ, *какъ должно*; такъ какъ его нравственное чувство не чисто, его инстинктивное влеченіе къ добру ослаблено, его свобода, воплощенная во злѣ связана имъ въ отношеніи къ добру.

На эти-то внутреннѣйшія силы нашего духовнаго существа, на врожденное, но собственою свободою обезсиленное, влеченіе къ добру, на нравственное чувство, какъ проявленіе этого влеченія, прежде и вліяетъ слово Божіе: *никто не можетъ придти ко Мнѣ, говоритъ Спаситель, если не привлечетъ его Отецъ, пославший Меня* (Іоан. VI, 44), если не привлечеть именно тогда, когда Посланный ужѣ явился въ мірѣ. Вотъ это-то влеченіе ко

Христу, при Его личномъ явленіи или при словѣ о Немъ, влеченіе пока безсознательное, но тѣмъ не менѣе *дѣйственное*, и составляетъ тотъ *новый мотивъ въ природѣ падшаго человѣчка*, который даетъ его свободѣ, порабощенной злу, дѣйствительную возможность не только бороться съ этимъ зломъ но и побѣждать его. Что это влеченіе оживаетъ подъ дѣйствіемъ слова Божія, это мы видимъ изъ примѣра напр. Лидіи, женщины изъ города Фіатиръ (Дѣян. XVI, 13, 14). Ей пришлось, или лучше, Господь даль ей случай слышать разговоръ св. ап. Павла о Христѣ съ собравшимися въ молитвенномъ домѣ этого города другими женщинами; и когда она слушала, Господь, по замѣчанію Апостола, *отверзъ ея сердце внимать* тому, что говорилъ Апостоль; вниманіе къ слову есть слѣдствіе возбужденаго влеченія къ тому, о чёмъ говорится. Это влеченіе отзывалось въ Лидіи чувствомъ, интересомъ къ словамъ истины, къ которымъ затѣмъ привокалось и ея вниманіе, ея мысль. Но такъ какъ въ падшемъ человѣкѣ зло срослось съ его существомъ, и всякое оживленіе нравственного влеченія и чувства должно производить на злое настроеніе впечатлѣніе, похожее на прикосновеніе къ глубочайшей, смертельной ранѣ въ умирающемъ организмѣ, то мы и видимъ, что когда сила слова Божія обращаетъ вниманіе человѣка на его зло, то сердце его исполняется мучительныхъ чувствованій, какъ бы пронзаются болью, какъ *прободены или пронзены* были этимъ словомъ *насквозь* сердца іудеевъ слушавшихъ проповѣдь св. ап. Петра по сошествіи Св. Духа¹⁾ и они спрашивали: „что намъ дѣлать, мужіе — братіе?“ Когда же вниманіе словамъ Божіимъ обращается наоборотъ — на тѣ блага, которые открываются намъ въ Сынѣ Божіемъ,—то сердца людей *радостно горятъ*, какъ горѣли сердца учениковъ, шедшихъ въ Эммаусъ, когда неузнанный ими Спаситель говорилъ съ ними во время пути и изъяснялъ писанія (Лук. XXIV, 32).

Но если влеченіе человѣческой природы къ добру усилено, нравственное чувство и совѣсть оживлены, то и умъ человѣка или

¹⁾ Слушатели *κατενύγγον τῇ καρδίᾳ*. — Дѣян. II, 37.

его мысль, поколику она освѣщена съ одной стороны этими внутренними состояніями, съ другой — предметомъ или содержаніемъ слова, возбуждающимъ эти состоянія, не можетъ не сдѣлаться особенно воспримчивымъ къ уразумѣнію и усвоенію слова. Вотъ почему и св. Писаніе къ дѣйствіямъ слова евангельского относить не только *влеченіе* человѣка ко Христу, не только *отверстіе* его *сердца* ко вниманію слова, но и *отверстіе* его *очей*, или, что тоже, ума, какъ способности различенія свѣта отъ тьмы, добра во всей его красотѣ отъ зла во всемъ его безобразіи. Я теперь посылаю тебя, говоритъ Савлу явившійся ему на пути въ Дамаскъ Спаситель, *къ язычникамъ открыть глаза имъ, чтобы они обратились отъ (духовной) тьмы къ свету и отъ власти сатаны къ Богу и въ прою въ Меня получили прощеніе греховъ и жребій съ освященными* (Дѣян. XXVI, 12—18).

Если мы припомнимъ, что нравственная свобода не мыслима безъ нравственного чувства, указывающаго въ свою очередь на безсознательное нравственное влеченіе, и что такая свобода утрачена въ падшемъ человѣкѣ, осуществившемъ ее больше въ злѣ, чѣмъ добрѣ: то всѣ измѣненія, совершаemыя призывающею евангельскою благодатію въ нравственной природѣ падшаго человѣка, независимо отъ участія его собственной воли, вмѣстѣ взятыхъ, могутъ быть названы возстановленіемъ свободы падшаго человѣка. *Влеченіе Отца къ Сыну* при явленіи Его или *чрезъ слово о Немъ, отверстіе сердца и отверстіе очей ума*, совершаemыя въ падшемъ человѣкѣ призывающею благодатію помимо и независимо отъ его воли, и есть возстановленіе всѣхъ условій для нового направлениія истинно свободной дѣятельности человѣка. *Если Сынъ освободитъ васъ, говоритъ Спаситель, освободить именно чрезъ слово, то истинно свободны будете* (Иоан. VIII, 31. 36. 37). „Въ моментъ воздѣйствія благодати“, говоритъ одинъ изъ отечественныхъ богослововъ, „человѣкъ хорошо видитъ все безобразіе свое внутри, и не только видеть, но и чувствовать... Его грызетъ совѣсть... Но тутъ же дается ему нѣкоторое ощущеніе и сладо-

сти жизни въ Богъ. Если не дать сего, — сладость грѣха, какъ уже извѣданная, сильнѣе влекла бы его къ себѣ, нежели добро, и выборъ бы падалъ не на сторону сего послѣдняго, какъ и бываетъ въ задумываніяхъ перемѣниться безъ благодатнаго возбужденія. Ибо то общий законъ: *ignoti nulla curia*, т. е. чего не знаешь, того и не желаешь. Но когда въ благодатномъ возбужденіи дается ему вкусить сладость добра, то оно *начинаетъ привлекать его къ себѣ, какъ уже извѣданное, вѣдомое и ощущаемое*“.— Короче: цѣль возбужденія благодатнаго и *сила его въ томъ, что оно извлекаетъ человѣка изъ узъ грѣха и поставляетъ его на точкѣ безразличія между добромъ и зломъ...* Въсы воли нашей, въ которыхъ она склоняется то на ту, то на другую сторону, должны стоять теперь *въ уровеніи...* Возбужденный поставляется благодатю въ *среднее между грѣхомъ и добродѣтелію состояніе...* Чѣлооѣкъ стоитъ теперь точно между двумя распутіями и ему предлежитъ *решительный выборъ*¹⁾.

Вотъ что значитъ для человѣка быть *призваннымъ* ко Христу словомъ божественной истины! Но очевидно, что это значитъ *не сдѣлаться христіаниномъ, а только получить способность къ тому.* Это состояніе человѣка подъ вліяніемъ благодати есть то состояніе блудного сына въ евангельской притчѣ, когда онъ, умирая съ голоду за недостаткомъ и той пищи, которою питались нечистыя животныя, вспомнилъ объ отеческомъ домѣ и о довольствѣ, которымъ наслаждаются тамъ даже наемники. Онъ вспомнилъ²⁾, повязка съ его глазъ спала, его сердце согрѣлось при

¹⁾ «Путь ко спасенію» краткій очеркъ аскетики соч. еп. Феофана. Изд. З. 1875 г. стр. 138, 139.

²⁾ Это невольное воспоминаніе не то означаетъ, что падшій человѣкъ можетъ, подъ вліяніемъ внутреннихъ и внѣшнихъ бѣдствій, самъ догадаться, какъ хорошо жить въ домѣ Отца небеснаго и какъ возвратиться туда, а очевидно то, что *откровенное слово Божіе указываетъ ему на эту жизнь и даетъ возможность оцѣнить ее по сравненію съ его бѣдствіями, которыя подъ вліяніемъ евангелія и сами сознаются живѣе и правильнѣе.* Чтобы каяться и вѣровать, для этого необходима внѣшняя и внутренняя возможность къ тому; поколику эта возможность есть чистый даръ благодати, призывающей ко Христу, пото-

этомъ воспоминаніи, энергія оживилась; но рѣшился ли онъ возвратиться къ отцу? Или: это состояніе походить на состояніе спавшаго тяжелымъ, полнымъ страшныхъ грезъ, сномъ больного человѣка, который утромъ подъ вліяніемъ лучей свѣта невольно открываетъ глаза и — долженъ бы теперь встать. Встанетъ ли онъ?... Въ такое-то состояніе, конечно, поставлены были явленіемъ Мессіи всѣ тѣ іудеи, къ которымъ обращены послѣднія для нихъ на землѣ слова Спасителя: *вы не захотѣли, и потому оставляется вамъ домъ вашъ пустъ* (Мате. XXIII, 37. 38). Самому человѣку призывающая благодать предоставляетъ рѣшить свою участъ: или возвратиться къ Отцу — *обратиться*, или *ожесточиться*, коснуться грѣхахъ.

Куда же обратиться? Въ чемъ состоить *обращеніе*? Въ *покаяніи и вѣрѣ*, или однимъ словомъ — въ *покаянной вѣрѣ*.

Все содержаніе слова Божія, какъ вѣтхозавѣтнаго, такъ и новозавѣтнаго, вліяя на всѣ силы человѣческаго духа, не иное можетъ вызывать свободное *его воздѣйствіе*, какъ только совокупность такихъ *внутреннихъ движеній* мысли, чувства и воли, которые составляютъ или: *покаяніе и вѣру*, — или: *ожесточеніе зла и невѣри*.

Добро, требуемое вѣтхозавѣтнымъ закономъ, осуществленное въ истинномъ духѣ жизнію Спасителя міра, побѣдившее въ Его Лицѣ смерть и прославленное Отцемъ небеснымъ, когда оно чрезъ слово освѣщаетъ нравственное сознаніе падшаго человѣка, то освѣщаетъ какъ всю глубину и порочность его *настроенія*, такъ и всю массу содѣянныхъ имъ злыхъ *внѣшнихъ поступковъ*; а вмѣстѣ съ этимъ даетъ ему чувствовать и сознавать какъ то, что все это зло есть дѣло его свободы, такъ и то, что требования нравственныя суть требованія Личнаго, Всесильнаго, и Всеправеднаго Бога, предъ Которымъ онъ теперь оказывается безъвинительнымъ, безответственнымъ.

лику и само покаяніе и сама вѣра суть *даръ Божій, благодать*; но это отнюдь не значить, чтобы *каялся* и *вѣровалъ* не *самъ* человѣкъ, или чтобы *благодать за него* могла производить то, что свойственно только *ирпинской* человѣку.

Если призывающий не бѣжитъ, не отворачивается отъ этого свѣта, — а напротивъ желаетъ находиться подъ его вліяніемъ, то вполнѣ понятно, какъ въ немъ подъ дѣйствіемъ благодати возникаютъ и возрастаютъ: страхъ предъ божіимъ правосудіемъ и ожиданіе близкихъ — временныхъ, и отдаленныхъ — вѣчныхъ, бѣдствій; презрѣніе къ себѣ, потому что самъ былъ виною своего нравствен-наго развращенія; стыдъ предъ другими людьми, потому что самъ сдѣлался поношеннемъ человѣковъ и униженіемъ людей; наконецъ чувство собственного нравственнало безсилія и беспомощности выйти изъ своего нравственаго состоянія довершаеть внутреннее потрясеніе человѣка; онъ и хотѣлъ бы теперь сдѣлать свои дѣла несдѣланными, но они уже не въ его власти; хотѣлъ бы съ корнемъ вырвать изъ себя самаго живущее въ немъ злое настроение, но оно органически срослось со всѣмъ духовнымъ существомъ его; хотѣлъ бы нравственно умереть, чтобы возстать въ лучшемъ состояніи, но это выше его силъ. *Я умираю*. съ голоду, говорилъ въ этомъ состояніи блудный сынъ (Лук. XV, 17). Что сотворимъ, спрашивали въ этомъ состояніи слушавшіе обличенія Іоанна Крестителя; что сотворимъ, повторяли потомъ іудеи, слушавшіе проповѣдь Ап. Петра (Лук. III, 10. 12. 14. Деян. II, 37).

Вотъ въ этомъ-то состояніи, которое близко къ отчаянію, благодать Божія, если призывающий не бѣжитъ отъ слова Божія, а желаетъ оставаться подъ его вліяніемъ, какъ роса небесная падаютъ на сухую почву его сердца евангельскія слова вѣчной Правды и Любви: *блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царство небесное; блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся; блаженны кроткіе, ибо они насыщаютъ землю; блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся.* Въ духѣ человѣка возникаетъ предрасположеніе къ той первой истинно христіанской религіозной добродѣтели — основанію покаянія, которая называется *смиреніемъ* и которая, ограждая грѣшника отъ отчаянія, дѣлаетъ для него возможную искреннюю молитву о помощи; будучи уже само по себѣ живымъ противочувствиемъ какъ эгоизму,

такъ и всѣмъ тѣмъ *чувственнымъ* страстямъ, которыми обыкновенно питается эгоизмъ и ради которыхъ извращаетъ свои отношенія къ другимъ, смиреніе, чѣмъ болѣе углубляется, тѣмъ болѣе сопровождается самоосужденіемъ, страхомъ предъ Богомъ и молитвой къ Нему о Его помощи, и тѣмъ болѣе расшатываетъ связывающія человѣка эгоистической и чувственныхъ узы; обаяніе зла мало по малу исчезаетъ, напротивъ болѣе и болѣе обнажается его безобразіе, которое и начинаетъ возбуждать къ себѣ отвращеніе, омерзеніе; духовная физиономія я—падшаго человѣка, доселъ покрытаго и обезображенаго страстью, такимъ образомъ начинаетъ свѣтлѣть нѣкоторыми истинно человѣческими чертами, которыя тѣмъ болѣе обозначаются, чѣмъ болѣе сѣмя слова Божія западаетъ въ глубь духа и чѣмъ болѣе оно обращаетъ его къ Богу.

Указывая на Бога, какъ на Судію и Мздовоздаятеля, Евангельская проповѣдь указываетъ на Него и какъ на Отца всеблагаго, и на Его Единороднаго Сына, какъ на превышающую всякий умъ Жертву, принесенную въ умилостивленіе Правдѣ Божіей за грѣхи всего міра; и на торжество добра надъ зломъ, явленное въ воскресеніи, вознесеніи на небо и сѣденіи Спасителя одесную Отца,—и на св. Духа Утѣшителя, Своимъ наитіемъ всегда готоваго даровать сердцу человѣка сладость мира съ Богомъ и самимъ собою,—и энергіи его я—силу для полнаго торжества надъ зломъ со всѣми его послѣдствіями и во времени и въ вѣчности. Указывая на все это, Слово Божіе говоритъ человѣку: *только впругъ въ Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и домъ твой* (Дѣян. XVI, 31). *Покаяніе* вводить уже падшаго человѣка въ жизнь вѣры (Дѣян. XI, 18); оно есть уже признакъ этой жизни; ибо оно также не отдѣлимо отъ вѣры, какъ правильное пониманіе зла и отвращенія къ нему не отдѣлимо отъ такого же пониманія добра и влеченія къ нему, какъ понятіе о Богѣ Всесильномъ и Праведномъ неотдѣлимо отъ понятія о Немъ, какъ о Всеблагомъ и Милосердомъ, какъ проповѣдь о Распятомъ не отдѣлима отъ проповѣди о Воскрѣшемъ, какъ

слово Спасителя и Апостоловъ: „покайтесь“, — не отдѣлимо отъ другаго: „и вѣруйте въ Евангелие“.

Вмѣстѣ съ углубленіемъ сознанія зла въ себѣ и своего нравственного безсилія и ничтожества, вмѣстѣ съ усиленіемъ самоосужденія и страха предъ Правосудіемъ Божіимъ, въ призывающемся, подъ вліяніемъ Евангельской благодати, возрастаетъ сознаніе величія и привлекательность красоты добра, какъ оно явилось въ жизни *Иисуса Христа* съ *Его* побѣдою на всѣми послѣдовательностями грѣха: надъ смертію, вліяніемъ злыхъ духовъ и надъ вѣчными мученіями; а вмѣстѣ съ этимъ заражается и вѣра въ Сына Божія въ различныхъ смыслахъ сего слова: и 1) въ смыслѣ довѣрія Его словамъ и дѣламъ, какъ правдивымъ, искреннимъ, непреложнымъ. Такое довѣріе называется на языкѣ школы *върою историческою*. О такой вѣрѣ говорить напр. Спаситель Никодиму: *если Я сказалъ вамъ о земномъ и вы не вѣрите, какъ повѣрите, если буду говорить вамъ о небесномъ* (Іоан. III, 12); такъ же понимаетъ вѣру Евангелистъ, когда говоритъ о Спасителѣ, что Онъ не вѣряль Себя тѣмъ многимъ, которые *только изъ-за Еgo чудесъ увѣривали во имя Его* (Іоан. II, 23). 2) Въ смыслѣ *непоколебимой надежды на помощь Божію и на исполненіе обѣтованій Божіихъ*: такою вѣрою, по словамъ св. Ап. Павла, ветхозавѣтные праведники побѣждали царства, получали обѣтованія, укрѣплялись въ немощи, были крѣпки на войнѣ и пр. (Евр. XI гл.); въ частности *надежды на помощь чудодѣйственную: имѣйте вѣру Божію. Ибо истинно говорю вамъ: если кто скажетъ горѣ сей: подвижнись и ввернись въ море, и не усомнится въ сердцѣ своемъ, но поверитъ, что сбудется по словамъ его, будетъ ему, что ни скажетъ* (Марк. XI, 22. 23); — *надежды, въ особенности, на спасеніе благодатію: мы вѣруемъ, говорить св. Ап. Петръ, что благодатію Господа *Иисуса Христа* (а не исполненіемъ ветхозавѣтныхъ религіозныхъ обрядовъ) спасаемся* (Дѣян. XV, 11); на конецъ 3) въ смыслѣ, обнимающемъ собою оба первые вида вѣры и прибавляющемъ къ нимъ новое значение прямо *практическаго* на-

правленія осей жизни человѣка, именно: значенія послѣдованія за Христомъ, вступленія въ число Его учениковъ—не какъ слушателей только Его ученія, а какъ слушателей и исполнителей вмѣстѣ, и еще больше исполнителей, чѣмъ слушателей,—значеніе принятія Христа всѣми силами души, иначе: значеніе вѣры во Христа, какъ всецѣлой личной преданности Ему, какъ своему Богу и Спасителю, въ своихъ мысляхъ, чувствованіяхъ и дѣлахъ¹).

Въ этомъ послѣднемъ значеніи понимаетъ вѣру самъ Спаситель, когда а) о вѣрющемъ говоритъ, что *впрующій въ Него не судится, а невпрующій уже осужденъ, потому что не упрорвалъ въ Единородного Сына Божія* (Іоан. III, 18). Здѣсь актъ вѣры или невѣрія съ одной стороны и оправданіе или судъ съ другой — понимаются, какъ тождественныя понятія; невѣріе есть осужденіе себя, вѣра есть освобожденіе отъ суда, *оправданіе*. Въ чёмъ же состоитъ это осужденіе и это оправданіе или вѣра и невѣріе? *Судъ* (или невѣріе), говоритъ Спаситель, *состоитъ въ томъ, что свѣтъ* (т. е. Я) *пришелъ въ міръ*,—но человѣкъ не *идетъ къ свѣту, ненавидитъ его*; а оправданіе или вѣра состоять въ томъ, что человѣкъ *идетъ къ свѣту* (Іоан. III, 18, 19, 20). Доколѣ Я въ міръ, Я свѣтъ міру: кто постыдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьмъ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни (—9 гл. 5, 8, 12). Я свѣтъ пришелъ въ міръ, чтобы всякий, впрующій въ Меня, не оставался во тьмѣ (—ХII, 46). Хожденіе во свѣтѣ и вѣра, хожденіе во тьмѣ и невѣріе,—другими словами: всесѣлая личная преданность Христу или отвращеніе отъ Него: вотъ значеніе вѣры и невѣрія въ Еван-

¹) Едвали можно къ понятію *вѣры во Христа Спасителя* относить тѣ выраженія Св. Писанія о вѣрѣ, въ которыхъ подъ нею разумѣется или нравственное качество—*вѣрность* вообще (πίσις Римл. III, 3); или *нравственное убѣждение*, признаніе *какого-либо дѣйствія* за согласное или несогласное съ нравственнымъ закономъ (*все, что не по вѣрѣ, грѣхъ* Римл. XI, 22, 23); или даже *сумму* тѣхъ *истинъ*, которыя заключаются въ Словѣ Божіемъ и которымъ можно вѣрить и невѣрить. (Гал. III, 2, 5).

гелі! б) Когда о *невѣрующихъ* говоритьъ, что они не *изъ Его овцѣ* (—Х, 26). Вѣровать во Христа, по Его ученію, значить находиться въ такомъ же отношеніи къ Нему, въ какомъ овцы находятся къ пастырю: онъ знаютъ его, слушаются голоса его и идутъ за нимъ, но не бѣгутъ отъ него, какъ отъ наемника (З. 4. 27). Знать голосъ своего пастыря, проникающій во всѣ силы души, слушаться этого голоса иходить, куда онъ ведеть, — все это вмѣстѣ взятое и значить вѣровать въ небеснаго Пастыря. в) Когда въ послѣдній день праздника кущей стоялъ Іисусъ и возгласилъ: *кто жаждетъ, иди ко Мнѣ, и пей. Кто впруетъ въ Меня, у того, какъ сказано въ Писаніи, изъ чрева истекутъ рѣки воды живой* (Іоан. VII, 37. 28). Вѣровать во Христа значить принимать въ себя, пить воду жизни, иначе: воспринимать въ себя и ассимилировать себѣ Его мысли, чувства и направление воли, что возможно только для жаждущаго, т. е. для находящагося въ состояніи покаянія, для сознающаго себя нищимъ въ добре, для плачущаго о своемъ злѣ и для алчущаго и жаждущаго помилованія (оправданія) и силы къ добру. Такой жаждущій, напоенный водою жизни, *будетъ самъ имѣть въ истинномъ смыслѣ жизнь въ себѣ самомъ* и давать жизнь — напоять другихъ жаждущихъ.—г) Когда говорить: *пріидите ко Мнѣ, возмите иго Мое или крестъ Мой на себя, научитесь отъ Меня, слѣдуйте за Мною* и т. п. (Мтѣ. XI, 28 et saet.), — во всѣхъ этихъ и подобныхъ изрѣченіяхъ Спасителя выражается призваніе слушающихъ къ вѣрѣ, къ званію учениковъ Его, которое въ томъ и состоить, чтобы, слушая и видя Учителя, больше и больше знать Его и исполнять все то, что требуется Его словами и дѣлами, однѣмъ словомъ: пребывать въ Немъ. Что мы познали *Его*, говорить евангелистъ Іоаннъ въ томъ же смыслѣ, что: увѣровали въ Него, — *узнаемъ изъ того, что соблюдаемъ Его заповѣди* (1 Іоанн. II. 3). Потому *узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики*, т. е. вѣрюете въ Меня, — если *будете имѣть любовь между собою*,

или вообще, если будете соблюдать Мои заповеди (Иоан. XIII, 35, 14, 15).

Такимъ образомъ вѣра въ Евангеліе есть во-первыхъ известное отношение освобожденаго человѣка не къ той или другой только истинѣ Слова Божія, а вообще къ лицу Іисуса Христа, какъ Сына Божія и Спасителя міра. *Если не увѣруете, что это Я, говорить Онъ, то умрете во грѣхахъ своихъ* (Иоан. VIII, 24). Только личная преданность каждого отдѣльного вѣрующаго Лицу же самого Іисуса Христа есть основаніе довѣрія и ко всему содержанію Слова Божія, къ каждому отдѣльному изрѣченію, дѣйствію и учрежденію какъ самого Спасителя, такъ и Его пророковъ и апостоловъ. Все это содержаніе своимъ центромъ имѣеть Лице Іисуса Христа, составляеть выраженіе Его духа, свидѣтельствуетъ о Немъ же. *Кто Ты?*—спрашивали Его фарисеи послѣ того, какъ Онъ сказалъ: „если не увѣруете, что это Я, то умрете во грѣхахъ своихъ“ (25). *Я то, отвѣтилъ Іисусъ, чтѣ и говорю вамъ.* Т. е. все, въ чемъ Я открываюсь вашему сознанію, чувству и влечению, все то, что Я говорю и что говорить вамъ обо Мнѣ Откровеніе,— все это и есть Я. Въ этомъ смыслѣ Онъ сказалъ народу, спрашивавшему Его: *что намъ дѣлать, чтобы творить дѣла Божія?* *Вотъ дѣло Божіе: чтобы вы вѣровали въ Того, Кого Онъ послалъ* (Иоан. VI, 28. 29). Во вторыхъ вѣра есть отношеніе человѣка къ Лицу Спасителя не одною какою либо стороною его духовной природы: она не есть принятіе только Его словъ и поведенія за искрення и истинныя или вѣра историческая; такую вѣру имѣютъ бѣсы и трепещутъ (Іак. II, 19); только такъ вѣрующіе—временемъ вѣруютъ, а во время искушенія отпадаютъ (Лук. VIII, 13); такая вѣра есть вѣра безъ дѣлъ, и потому мертвa (Іак. II, 26). Она не есть также только увѣренность въ чудодѣйственной силѣ Спасителя и сама совершающая чудеса: Спаситель не совершалъ для іудеевъ чудесъ, возбуждающихъ только удивленіе къ Его всемогуществу и всевѣдѣнію, часто запрещалъ говорить о совершенныхъ Имъ чудесахъ, и тѣмъ показывалъ, что вѣра въ Него не есть

слѣпое подчиненіе величію всесильной, хотя бы и благотворной, силы, или плодъ внезапнаго ощущенія, возбужденнаго необычайными явленіями въ видимомъ мірѣ. Многимъ, которые во имя Его пророчествовали, изгоняли бесовъ и многія чудеса творили, Онъ скажетъ въ послѣдній день: *Я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ Меня дѣлающіе беззаконіе* (Мтѣ. X гл., 22. 23). *Если имъю даръ пророчества, говорить св. ап. Павелъ, и знаю всѣ тайны, и имъю всякое познаніе, и всю впру, такъ что могу и горы переставлять, а не имъю любви, то я ничто* (1 Кор. XIII, 2). Вѣра не есть—далѣе—только надежда на помощь Божію, на обѣтованія Божія вообще, и въ частности на спасеніе Его заслугами и благодатію: эта надежда, если она не подчиняется всѣмъ другимъ *условіямъ своего осуществленія*, можетъ остаться тщетною, мертвовою. Всѣ эти три вида вѣры, правда, входятъ въ понятіе дѣйствительной, спасающей вѣры. И довѣріе къ словамъ и дѣламъ Спасителя и ко всему Откровенію о Немъ необходимо: не приемля за истину того, что предлагаетъ откровеніе, не признавая Бога во Христѣ, нельзя и стать къ Нему, какъ Богу, ни въ какія личныя отношенія; и вѣра въ чудодѣйственную, благотворную силу Спасителя, полезна для *модей плотскихъ*, приходящихъ къ Нему прежде всего съ надеждою на помощь въ тѣлесныхъ своихъ нуждахъ, какой они не могли найти нигдѣ въ мірѣ; и вѣра, какъ увѣренность въ спасеніи благодатію и вообще въ исполненіи обѣтованій Божіихъ безусловно необходима: безъ этой увѣренности несть довѣрія вообще къ словамъ Спасителя и въ частности—къ умиротворенію своего сердца, сокрушенного покаянными чувствами и къ побѣдѣ надъ зломъ въ мірѣ. Но всего этого не достаточно для того, чтобы быть дѣйствительно обращеннымъ ко Христу; для этого нужна рѣшимость на *дѣйствительное, фактическое послѣдованіе за Христомъ*, на исполненіе всей Его воли получившимъ къ тому возможность человѣкомъ; другими словами: нужна всецѣлая личная преданность Ему, какъ своему Богу и Спасителю, въ своихъ мысляхъ, чувствованіяхъ и поведеніи. Такая *всецѣлая пре-*

данность человѣка Лицу Спасителя и Его дѣлу и есть спасающаѧ его вѣра¹⁾); а съ этимъ и покаяніе его есть такое же всецѣлое отданіеніе его я отъ созданного имъ въ себѣ духовнаго организма зла,—дѣйствительное, внутреннее отвращеніе отъ этого зла затѣмъ, чтобы всецѣло посвятить себя добру.

Такимъ образомъ вѣра и покаяніе составляютъ двѣ стороны одного нераздѣльнаго акта обращенія человѣка ко Христу, и потому могутъ быть выражены однимъ словомъ: *покаянная вѣра*. Эта покаянная вѣра называется *обращеніемъ* потому именно, что съ одной стороны она есть отвращеніе человѣка отъ живущаго въ немъ зла, ненавидѣніе его, съ другой—направленіе всего я со всѣми его силами ко Христу и Его дѣлу.

Такая покаянная вѣра, подъ вліяніемъ христіанской благодати, созидается безъ сомнѣнія постепенно, — не въ одинъ, не въ два, такъ сказать, приема, а въ неисчислимомъ количествѣ внутреннихъ движений всѣхъ силъ духа, пока въ немъ не образуется наконецъ болѣе или менѣе прочное, покаянно-вѣрующее *настроеніе*¹⁾). Получая свободу отвергнуться или не отвергнуться своего зла, идти или не идти за Христомъ, призываемый болѣе или менѣе долго приходить въ себя, всматривается въ свое зло и предлагаемое ему добро, колеблется иногда очень долго, какъ показываетъ опытъ древнихъ оглашенныхъ. Возбуждаемый отъ сна нравственно-больной не

¹⁾ Такая вѣра, очевидно, есть *условіе* крещенія, предшествующее ему; если она называется *спасающей*, то въ томъ только смыслъ, что составляетъ *первую ступень* спасенія; *вторую* ступень его составляетъ *актъ крещенія и миропомазанія* (который можетъ замѣняться и другимъ, напр. мученичествомъ) съ ихъ внутренними благодатными послѣдствіями или плодами для вѣрующаго. Крещенный и Миропомазанный есть уже въ извѣстномъ смыслѣ *спасенный*; спасеніе въ этомъ смыслѣ очевидно возможно подъ условіемъ уже не одной только вѣры, какъ *внутреннію* настроенія призываляемаго. Есть наконецъ *спасеніе* въ иномъ смыслѣ: оправданіе на послѣднемъ судѣ и вѣчное блаженство. Какъ безотчетно употребляется это слово: *спасеніе* и въ учебникахъ и въ спорахъ съ протестантами!

²⁾ Примѣръ разбойника на крестѣ или Савла не противорѣчать этому положенію; мы не знаемъ, сколько разъ они слышали о Спаситѣльѣ и что происходило въ ихъ душахъ при этой вѣсти *прежде*, чѣмъ они обратились къ Нему.

разъ пробуетъ подняться съ одра своего,—и не разъ падаетъ назадъ, увлекаемый тяжестью своего зла, которое тѣмъ сильнѣе влечетъ къ себѣ, чѣмъ рѣшительнѣе требуется война противъ него. „Кто видѣлъ“, говорить преосвящ. Феофанъ, „какъ малая искра туда и сюда носится въ дымѣ, но все еще какъ бы стоитъ за себя, или какъ малая частица дерева бросается волнующею струею то вверхъ, то внизъ, то вправо, то влево, тотъ имѣть въ этомъ образѣ того, что бываетъ (въ періодѣ обращенія) съ благимъ желаніемъ человѣка“¹⁾). Пока-то наконецъ смиреніе, самоосужденіе и страхъ Божій съ одной стороны, вѣра и молитвенное настроеніе съ другой — настолько не назрѣютъ въ человѣкѣ, что онъ, подобно блудному сыну, однажды навсегда скажетъ себѣ рѣшительно: встану и пойду къ отцу моему и отдамъ всего себя въ его распоряженіе, какъ одного изъ наемниковъ его.

Этотъ моментъ рѣшимости и есть заключеніе всего акта обращенія, есть тотъ моментъ, когда падшій человѣкъ самъ дѣломъ рѣшается сдѣлать то, чего прежде всего требуетъ Спаситель отъ всякаго истинно обращающагося къ Нему, чего Онъ потребовалъ отъ Павла, не смотря на его необычайное обращеніе, и чего требовали апостолы, когда ихъ спрашивали: „что намъ дѣлать мужіе — братіе“, — чего наконецъ требуетъ доселъ христіанская Церковь отъ всякаго оглашенного,—именно: отрекшись отъ зла и сочетавшася со Христомъ, *крестись и пріимешь даръ Св. Духа.*

Выразивъ предъ Церковью отреченіе отъ зла и рѣшаясь *сочетаться* со Христомъ чрезъ купель крещенія, обращенный дѣлаетъ тоже, что блудный сынъ, когда онъ былъ на пути къ отцу своему. И какъ тамъ—въ притчѣ отецъ встрѣтилъ сына еще далеко отъ дома своего, паль ему на шею, облобызаль его, ввелъ въ свой домъ не какъ наемника, а какъ кровнаго сына своего, приказалъ одѣть его наилучшею одеждю, дать перстень на руку его, обуть его ноги и устроилъ для него великий праздникъ, полный радости

¹⁾ «Путь ко спасенію» стр. 148, 149.

и веселья; ибо этотъ сынъ пропалъ было, а теперь найденъ, умеръ было, а теперь ожилъ: такъ и въ св. таинствахъ *Крещенія и Миропомазанія* Богъ изливаетъ на душу падшаго, а нынѣ обратившагося человѣка, чудеса любви своей, которая неизмѣримо выше всѣхъ чудесъ, когда либо совершившихся въ области материальнаго міра. Любовь Божія совершаетъ въ грѣшной человѣческой душѣ то, что священное Писаніе и Церковь называютъ *оправданіемъ* и *освященіемъ*, однимъ словомъ: *возрожденіемъ* человѣка.

Подъ оправданіемъ разумѣется, по ученію Слова Божія, не то только, что Богъ съ Своей стороны даруетъ грѣшнику прощеніе грѣха, какъ грѣховнаго состоянія и какъ отдѣльныхъ сознательныхъ противо-нравственныхъ дѣйствій; что Онъ снимаетъ съ грѣшника Свое праведное осужденіе и проклятие; что вмѣняетъ грѣшнику праведность Христову въ его собственную праведность: все это входитъ въ понятіе обѣ оправданій. Но въ него входитъ также и то, что оправданный сознаетъ и носить въ себѣ *самомъ*, хотя и ничѣмъ незаслуженное, сознаніе и чувство оправданія (Фил. III, 9: я имѣю не свою праведность, но праведность отъ Бога по вѣрѣ); что онъ сознаетъ действительную чистоту своего нравственнаго чувства (1 Іоан. I, 9; Дѣян. XV, 9), хотя и знать, что самъ ничѣмъ не могъ очистить его; что онъ сознаетъ себя наконецъ *полнымъ мира и радости* (Дѣян. VIII, 39. 13. 52 и т. д.), хотя и знать, что своею прежнею жизнью только оскорблялъ и свою совѣсть и Бога. *Не видя* (Иисуса Христа), но *впруя въ Него*, онъ *радуется радостю неизреченною и преславной* (1 Петр. I, 8). *Миръ Божій*, который превыше всякиаго ума, *соблюдается сердце его и помышленія его во Христѣ Иисусѣ* (Филип. IV, 7). *Радуйтесь*, говорить Апостолъ оправданнымъ, *всегда во Господѣ и еще говорю—радуйтесь* (—ст. 4).

Короче: оправданіе есть ничѣмъ незаслуженное со стороны человѣка, чудесно дарованіе ему состояніе блаженства чистоты нравственнаго чувства или внутренняго Царствія Божія, которое, по Апостолу, есть именно *не пища и питье, но праведность, и миръ*,

и радость во Св. Духъ (Римл. XIV, 17). И только тогда, когда обращенный обладаетъ этимъ Царствіемъ Божімъ онъ можетъ создать и распространять и во всей окружающей его сферѣ тотъ исполненный правды и мира строй жизни, ту прочность, оживленность общественныхъ союзовъ и отношений и то материальное благоденствіе, въ которыхъ, насколько все это зависитъ отъ отдѣльного человѣка, выражается внутреннее Царствіе Божіе, нормальное нравственное развитіе и достоинство человѣческой природы.

Но уже изъ этого видно, что однимъ оправданіемъ человѣкъ не можетъ жить: чувство мира, духовной радости и блаженства, какъ чувство, какъ пассивное состояніе, еще не составляетъ самодѣятельной жизни, и само по себѣ не есть еще личная энергія къ добру; а эта энергія необходима оправданному потому уже одному, что очищеніе его нравственного чувства и прощеніе ему грѣховъ не уничтожаетъ въ его духовномъ организмѣ следовъ тѣхъ злыхъ качествъ, которыя онъ унаследовалъ отъ предковъ или которыхъ своими собственными злыми дѣяніями создалъ въ себѣ до обращенія ко Христу. Эти злые наклонности не вмѣняются болѣе оправданному, но сила ихъ не уничтожена; какъ безсознательны онъ находится не въ центрѣ его самосознанія и самоопредѣленія, а на периферіи его; тѣмъ не менѣе, хотя и въ безсознательномъ состояніи, они живы въ духовномъ организмѣ оправданного и могутъ, помимо его воли, при благопріятныхъ къ тому обстоятельствахъ, возникнуть въ его сознаніи съ великою силою и искушать его ко злу. Поэтому свобода обращенного, еще недостаточно воплощенная въ новыхъ нравственно-добрыхъ качествахъ, еще несоздавшая нового внутренняго строя по всѣмъ отношеніямъ земной жизни, была бы иллюзіею, еслибы не имѣла для себя помощи, достаточно могущественной для того, чтобы искоренить въ себѣ всѣ слѣды ветхаго человѣка.

Спасая падшаго, Богъ дѣлаетъ для него все, что служить къ его полному благу на землѣ и въ вѣчности. Усиленіе еще неокрѣпшей энергіи его самоопредѣленія въ добрѣ—силою самого Бога или,

что тоже, благодатею Его и есть то, что разумѣется подъ *освященiemъ* человѣка и что Слово Божіе преимущественно называетъ *даромъ Св. Духа*, когда говоритъ не о чрезвычайныхъ между христианами первенствующей церкви дарахъ пророчества, новыхъ языковъ, или чудесъ вообще, а о *присущей каждому христіанину* благодатной помощи въ добрѣ. Сознаніе въ себѣ этой силы, какъ отдельной отъ силы нашего самоопредѣленія, для пасъ не возможно уже потому, что она естественно совпадаетъ съ основаніемъ нашей нравственной природы, т. е. съ ея инстинктивнымъ, *несознаваемымъ влечениемъ* къ добру; влечение же къ добру доступно нашему сознанію только чрезъ нравственное чувство, которое, будучи сознано, составляетъ вмѣстѣ съ свободою сущность нашего я и можетъ сознаваться только относительно дѣйствій этого я¹).

Слово Божіе и практика православной Церкви показываютъ, что за оправданіемъ человѣка, за прощеніемъ грѣховъ и умиротвореніемъ его совѣсти, обыкновенно слѣдуетъ или же совпадаетъ съ нимъ *освященіе, сообщеніе дара Св. Духа*. Гидеонъ, возвужденнымъ проповѣдью св. ап. Петра о Распятомъ и Воскресшемъ и вслѣдствіе того спрашивавшимъ: что намъ дѣлать,—Апостоль отвѣтилъ: *покайтесь* (стяжите то настроеніе покаянной вѣры, которое дѣлаетъ васъ способными къ оправданію и освященію) *и да крестится каждый изъ васъ* (т. е. какъ уже имѣющій возможность свободной рѣшимости) *во имя Господа Иисуса Христа для прощенія грѣховъ* (т. е. оправданія); *и получите даръ Св. Духа* (освященіе,—Дѣян. II, 38). Когда явилась благодать и человѣкомъ *Спасителя нашего и Бога*, учить св. ап. Павель,

¹⁾ Такое же, *не сознаваемое*, но тѣмъ не менѣе *дѣйствительное* вліяніе *всесообщей* или *промыслительной* благодати, составляетъ основаніе того стремленія къ безконечному или къ религіи вообще, которое обнаруживается повсюду и въ язычникахъ. И язычники, почитая ложныхъ боговъ, чтутъ собственно *истиннаго Бога*, только *не сознавая* этого (Дѣян. XVII, 23), не имѣя именно возможноти, по нравственной испорченности своей, переработать непосредственные ощущенія Божества въ правильныя понятія о Богѣ и поставить о旣я въ должнага отноженія къ Нему.

(Тим. III, 4—7); Онъ спасъ насъ не дѣлами праведности, ко-
торыя бы мы сотворили, а по Своей милости (только въ силу
покаянной вѣры; но какимъ образомъ?), въ первыхъ бaneю воз-
рожденія, т. е. по словамъ того же св. Апостола въ другихъ мѣ-
стахъ (Еф. V, 26; Деян. XXII, 16) водною бaneю очищенія
или омовенія пръховъ; и затѣмъ во вторыхъ — бaneю обновленія
Св. Духомъ, Котораго Онъ излилъ на насъ обильно чрезъ Иисуса
Христа, Спасителя нашего, т. е. чрезъ освященіе; чтобы, заклю-
чаетъ Апостолъ, оправдавшиись Его благодатію, мы по упованію
содѣлялись наследниками вѣчной жизни. Приведемъ еще одно
изрѣченіе того же Апостола въ доказательство неразрывной связи
освященія съ оправданіемъ въ дѣлѣ земнаго спасенія человѣка. Нѣ-
которые изъ васъ, говорить онъ о христіанахъ изъ язычниковъ,
были неправедны (идолослужители, блудники и пр.), но освяти-
лись, но оправдались именемъ Господа нашего Иисуса Христа
(въ крещеніи) и Духомъ Бога нашего (чрезъ возложеніе руку или
Миропомазаніе, I Кор. VI, 11).

Оправданіе и освященіе и во времена апостольскія совершались
и доселъ въ православной церкви совершаются въ непосредственно
одно за другимъ слѣдующихъ, видимыхъ дѣйствіяхъ, называемыхъ
таинствами Крещенія и Миропомазанія (или возложенія руки). Рож-
деніе какъ отъ воды, такъ и отъ Духа, по учению самого Спа-
сителя, составляетъ совмѣстный актъ возрожденія человѣка или его
земнаго спасенія. Если кто не родится отъ воды и Духа, то не
можетъ войти въ Царство Божіе (Иоан. III, 5). Какъ при кре-
щеніи Его самого въ Йорданѣ видимо сошелъ на Него Святый
Духъ въ видѣ голубя, такъ и крещеніе всякаго христіанина въ
оставленіе пръховъ соединяется съ сообщеніемъ ему дара Св. Духа.
Бывали, правда, и въ первенствующей церкви случаи, когда за кре-
щеніемъ не тотчасъ слѣдовали низведеніе Св. Духа на новокре-
щенныхъ: такъ крещенные св. Діакономъ Филиппомъ Самаряне не
получили Св. Духа, пока апостолы не услышали объ ихъ креще-
ніи и не послали къ нимъ Петра и Иоанна, которые помолились о

нихъ, возложили на нихъ руки, и они *приняли Св. Духа* (Дѣян. VIII, 14—17). Бывало иногда и такъ, что освященіе совершалось прежде оправданія. Такъ Корнилій сотникъ и съ нимъ собравшіеся для слушанія св. ап. Петра удостоились дара Св. Духа *во время проповѣди, независимо отъ крещенія*, которое однакоже совершено было послѣ (Дѣян. X гл.). Но и тотъ и другой случай, указы-
вая на возможность освященія отдѣльно отъ оправданія (въ рим-
ско-католической церкви миропомазаніе или конфирмациія и теперь
совершается не тотчасъ послѣ крещенія), одинаково свидѣтельствуютъ
о томъ, что одно другимъ должно восполняться въ возрожденіи че-
ловѣка,— или что одно безъ другаго не спасаетъ на землѣ человѣка,
достигшаго самосознательного возраста.

Вообще же ученіе обѣ оправданій и освященій чрезъ креще-
и возложеніе рукъ было такъ общезвѣстно во времена Апостоль-
скія, что св. ап. Павелъ въ посланіи къ Евреямъ считаетъ из-
лишнимъ и останавливаться на этихъ *начаткахъ* ученія самого
Христа. *Оставилъ начатки ученія Христова*, говоритъ онъ, *по-
спышимъ къ совершенству и не станемъ снова полагать основа-
ние обращенію отъ мертвыхъ дѣлъ и впрѣ въ Бога* (т. е. покаян-
ію и вѣрѣ), *ученію о крещеніяхъ и возложеніи рукъ и пр. Не-
возможно*, говоритъ онъ далѣе, *однажды просвѣщеныхъ и вку-
сившихъ дара небеснаго* (т. е. крещенныхъ и миропомазанныхъ) *и отпадшихъ опять обновлять покаяніемъ*, когда (т. е. пока) они
снова *распинаютъ въ себѣ Сына Божія и ругаютъ Ему* (Евр.
VI, 1—6).

По уставу православной церкви, непосредственно за крещеніемъ вступающаго въ Церковь и доселѣ слѣдуетъ его миропомазаніе; а послѣ миропомазанія, окропляя водою новокрещенаго и миропомазанного, священникъ, согласно съ тѣмъ же уставомъ, такъ выражаетъ плоды этихъ таинствъ: „*опроводился еси, просвѣтился еси, освятился еси, омылся еси именемъ Господа нашего Иисуса Христа и Духомъ Бога нашего*“; и потомъ, отирая его губкою, повторяетъ: „*крестился еси, просвѣтился еси, миропомазался*“

еси. Освятился еси, омылся еси: во имя Отца и Сына и Святаго Духа". Если изъ этихъ словъ, указывающихъ какъ на внѣшнія, такъ и на внутрення дѣйствія, совершенныя въ обоихъ таинствахъ, мы остановимъ вниманіе отдельно на тѣхъ и другихъ; то окажется, что къ *внутреннимъ дѣйствіямъ* таинствъ Церкви относитъ: *оправданіе* и *освященіе*, однимъ словомъ: просвѣщеніе (тоже, что возрожденіе или обновленіе¹); а къ внѣшнимъ: крещеніе (омовеніе) и миропомазаніе.

Оправданіе и *освященіе* составляютъ такимъ образомъ два нераздѣльныхъ момента возрожденія падшаго и обращеннаго человѣка, которые вмѣстѣ могутъ быть названы однимъ словомъ: возрожденіе или просвѣщеніе.

Очевидно, что если при обращеніи падшаго человѣка чрезъ призываніе, онъ, по мѣрѣ возстановленія его свободы, долженъ быть самъ участвовать *въ созиданіи въ себѣ покаянной вѣры*, — то своему возрожденію или просвѣщенію, кроме своей *покаянной вѣры во Христа Спасителя, приведшій его къ купели крещенія*, онъ ничѣмъ не могъ содѣйствовать. И если возрожденіе человѣка въ новую жизнь на землю правильно можетъ быть названо его *земнымъ спасеніемъ* въ отличіе отъ спасенія въ жизни будущаго вѣка т. е. отъ *оправданія* на послѣднемъ судѣ и отъ *вѣчнаго блаженства*; то и мы, совершенно согласно съ учениемъ православной церкви, не можемъ оспаривать того протестантскаго или, лучше божественнаго ученія, что *человѣкъ спасается только вѣрою*. Не напрасно же и самъ Иисусъ Христосъ называется не только нашимъ искупленіемъ (разумѣется *объективное спасеніе*, въ отличіе отъ плодовъ его для *отдельного человѣка*), но и *просвѣщениемъ, и праведностю и освящениемъ* (1 Кор. I, 30).

¹) Впрочемъ подъ *просвѣщениемъ* можно, кажется, разумѣть, въ частности, *призываніе* падшаго человѣка евангельскою благодатию къ покаянію и вѣрѣ во Христа или *оглашеніе* вообще, какъ дѣйствіе, открывающее оглашаемому христианскую истину, возбуждающее и укрѣпляющее его нравственно-религиозное сознаніе и чувство и подготовляющее къ возрожденію въ таинствахъ.

Послѣ всего сказанаго можно уже дать отвѣтъ на вопросъ: что значитъ быть христіаниномъ? Этотъ отвѣтъ будетъ гласить такъ: быть христіаниномъ значитъ быть не только призванымъ благодатію Божіею къ покаянію и впрѣ во Христа, но и по впрѣ во Христа силою этой благодати быть оправданнымъ и освященнымъ, однимъ словомъ: возрожденнымъ или просвѣщеннымъ.

Вѣрующій и въ силу своей вѣры благодатію Божіею возрожденный или, что тоже: христіанинъ есть уже не блудный сынъ, рѣшившійся возвратиться въ домъ прогнѣваннаго отца своего, чтобы просить его о помилованіи и принятіи въ число наемниковъ, но 1) обновленный во всемъ нравственномъ состояніи своемъ: *кто во Христѣ, тотъ новая тварь; древнее прошло, теперь все новое* (2 Кор. V, 17); облеченный *въ нового человека, созданнаго по Богу въ праведности и святости истины* (Ефес. IV, 22—24); 2) любимый сынъ любящаго Отца: *вы не приняли духа рабства, чтобъ опять жить въ страхѣ, но приняли духа усыновленія, которыми вызываемы: аава отче!* (Римл. VIII, 15). Тѣмъ, которые приняли Его (Иисуса Христа), *впрующимъ во имя Его, Онъ далъ власть быть чадами Божіими, которыхъ ни отъ крови, ни отъ хотѣнія плоти, ни отъ хотѣнія мужа, но отъ Бога родились* (Іоан. I, 12. 13); 3) живущій въ домѣ Отца въ тѣснѣйшемъ общеніи и единеніи съ Нимъ: *развѣ вы не знаете, что вы храмъ Божій, и Духъ Божій живетъ въ васъ?* (1 Кор. III, 16. 17). Я живу, но уже не я, а живетъ во мнѣ Христосъ (Гал. II. 20). Соединяющійся съ Господомъ есть одинъ духъ съ Господомъ (1 Кор. I, 17).

Такое единеніе возрожденаго съ своимъ Богомъ и Спасителемъ, по исконному обычью православной церкви, и выражается и запечатлѣвается въ св. Таинствѣ причащенія Тѣла и Крови Христовой, которыхъ новохрещенный, какъ уже равноправный членъ Церкви Христовой, по вѣрѣ своихъ восприемниковъ удостоивается еще въ младенческомъ возрастѣ.

Вотъ какихъ великихъ и неизреченныхъ даровъ удостоился каждый изъ насть, православные слушатели, въ св. таинствахъ Крещенія и Миропомазанія и неоднократно удостоивался въ св. Причащеніи уже въ младенческомъ и дѣтскомъ возрастѣ! Обо всѣхъ этихъ начаткахъ христіанского знанія, о которыхъ уже св. апостоль Павель не хотѣлъ говорить христіанамъ изъ евреевъ, излагается, хотя и сокращенное, учение въ нашихъ катихизисахъ, которые тоже называются *начатками*.—Если же, къ общему стыду нашему, кто-нибудь изъ взрослыхъ православныхъ не знаетъ, или забылъ эти начатки, если учение о вѣрѣ во Христа Спасителя и о дарахъ Св. Духа по этой вѣрѣ въ первый разъ будто бы кѣмъ-либо изъ православныхъ слышится на Руси изъ усть нерусскихъ и неправославныхъ ¹⁾),—то трудно и придумать: на кого больше должно пасть обвиненіе въ этомъ? На насть ли—служителей слова Божія, которые не научились еще достаточно вразумительно читать его въ храмахъ, и съ любовію и ревностію истолковывать своимъ паствамъ; на того ли или другаго воспріемника или воспитателя, на которыхъ также лежить долгъ предъ Богомъ вводить ввѣренныхъ имъ дѣтей въ кругъ покрайней мѣрѣ первоначальныхъ христіанскихъ понятій; на то ли или другое несчастное обстоятельство въ жизни отдельныхъ лицъ, допускаемое Промысломъ Божіимъ къ вразумленію нашему и къ возбужденію въ насть большей ревности о распространеніи духовнаго просвѣщенія между крещенными въ

¹⁾ Читатели знаютъ, какіе толки имѣлись въ виду при этихъ словахъ. На сколько эти толки до меня доходили, — кромѣ старого, односторонне притомъ понятаго, протестанскаго ученія о спасеніи или оправданіи одною вѣрою, а не вѣрою и дѣлами, какъ учитъ православная Церковь,— я решительно ничего не нашелъ въ нихъ. Жаль, что и мы, говоря и пишя о спасеніи, не разлічаемъ спасенія земного, т. е. вступленія въ число спасаемыхъ на землѣ отъ спасенія въ будущемъ вѣкѣ, т. е. оправданія на послѣднемъ судѣ Христовомъ и отъ вѣчно блаженной жизни. Послѣдняго спасенія и протестанты не ожидаютъ отъ одной безплодной вѣры или отъ вѣры безъ любви; а для первого и мы, если и можемъ говорить о дѣлахъ, то только о тѣхъ вѣнчанихъ дѣствіяхъ, которыхъ со стороны вѣрующаго естественно необходимы при оглашеніи (въ выше изложенномъ смыслѣ) и при осуществленіи упаковости приступить къ купели крещенія.

безсознательномъ дѣтскомъ возрастѣ? Но во всякомъ случаѣ да сохранить насть Господь, Пастыреначальникъ нашъ, отъ одного предположенія, будто бы Его Церковь—это общество не только призванныхъ ко Христу, но и возрожденныхъ силою Его Духа,—чтобы ея іерархи, эти преемники всѣхъ апостольскихъ полномочій по божественному непрерывному преемству рукоположенія отъ св. апостоловъ-очевидцевъ самого Спасителя во плоти,—чтобы и другіе священнослужители, имѣющіе свои полномочія чрезъ этихъ архипастырей,—когда-либо и гдѣ-либо сами не знали того, что они дѣлаютъ, Кому и чemu служать и какими небесными сокровищами распоряжаются, когда читаютъ или проповѣдуютъ Слово Божіе, или когда совершаютъ святыхъ таинства Церкви!

Если же кто изъ насть не довольствуется этими преизобильно изливаемыми на вѣрующихъ дарами оправданія и освященія; если кто ищетъ необычайныхъ даровъ: пророчества — въ смыслѣ прозрѣнія въ будущее, новыхъ откровеній, непонятныхъ языковъ, и для этого усиливается по своему истолковывать нѣкоторыя изрѣченія св. апостола Павла о дарахъ Св. Духа въ первенствующей Церкви и нѣкоторые образы въ Апокалипсисѣ¹⁾), то такимъ мы скажемъ вмѣстѣ съ ап. Павломъ, что если бы намъ явился дѣйствительно Ангелъ съ неба и сталъ благовѣстовать не то, что намъ положительно и притомъ однажды на всегда открыто въ Сынѣ Божиемъ и что принято всею вселенскою Цер-

¹⁾ При этихъ словахъ разумѣлись тѣ изъ православныхъ, которыхъ жажды даровъ Св. Духа увлекаетъ въ собранія ирвингіанской, или, какъ сама она себя называетъ, апостольской общинѣ, въ первой четверти текущаго столѣтія зародившійся, какъ извѣстно, въ Англіи и стремящійся возстановить, по крайнему разумѣнію, чины древней церкви: Апостоловъ, Пророковъ, Ангеловъ (т. е. епікоповъ, см. Апокалипсисъ), Учителей и т. п. и разгадать ближайшее будущее въ судьбахъ міра, — и все это при помощи новыхъ откровеній или наитій Св. Духа во время собраній на ирвингіанъ. Не вида такихъ новостей въ нашей Церкви, отъ которой вирочемъ ирвингіане весьма многое истинно древнее заимствовали въ чинѣ богослуженія своего, они полагаютъ и позволяютъ себѣ проповѣдывать въ С.-Петербургѣ, что наша православная церковная жизнь не знаетъ ничего о дарахъ Св. Духа, или о помазаніи свыше, которые будто бы и не сообщаются православными.

ковію: то и онъ да будетъ анаоема (Галат. I, 8. 9); что намъ ясно дано знать больше, чѣмъ сколько мы можемъ исполнить всею своею жизнью; что іудеи требуютъ чудесъ и еллины ищутъ мудрости, а намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ же св. Апостоломъ, достаточно знать Христа распятаго, Божію силу и Божію премудрость (1 Кор. I, 22. 23). О временахъ же и срокахъ, о которыхъ и въ апостольскія времена иные любили толковать, признавалъ не-нужнымъ писать и св. ап. Павелъ (1 Фесс. V, I); не признавалъ апостольскимъ дѣломъ знать о нихъ и самъ Христосъ Спаситель, когда уже по воскресеніи Своемъ, во время послѣдней личной бесѣды съ апостолами, предъ минутою вознесенія Своего на небо сказа-зть имъ: *не ваше дѣло знать времена и сроки, которые Отецъ положилъ въ Своей власти* (Дѣян. I, 7).

У каждого изъ насъ, мм. гг., много другаго, положительно заповѣданного намъ, какъ христіанамъ, дѣла. Все то, что я сказа-зть въ первыхъ двухъ чтеніяхъ о *содержаніи нравственности*, должно быть содержаниемъ именно христіанской жизни. Недостанеть всѣхъ силъ и времени земной жизни на то одно, чтобы какъ слѣ-дуетъ по христіанской совѣсти изучить и съумѣть исполнить обя-занности любого честнаго труда, быть дѣйствительно мастеромъ въ дѣлѣ своего земнаго званія, честнымъ представителемъ своей про-фессіи. Какой неистощимый запасъ нравственной энергіи и какая помощь Св. Духа нужна намъ и для того, чтобы пламень брат-ской любви и неподкупность правды проникали наши семейныя, общественные и народныя дѣла и отношенія, всѣ труды и обязан-ности каждого изъ насъ и среди этихъ отношеній. Я позволю себѣ напомнить въ настоящій разъ только одну, общую всѣмъ и каж-дому изъ насъ, обязанность члена той святой общинѣ, которая на-зываются приходскимъ обществомъ, *приходскою церковью* или просто: *приходомъ*. Тамъ у святой купели, у которой мы произнесли наши христіанские обѣты, въ которой Господь чрезъ апостольскихъ преем-никовъ оправдалъ, освятилъ и усыновилъ насъ Себѣ,—у того свя-щенаго алтаря, у подножія которого мы слагаемъ бремя грѣховъ

своихъ и отъ котораго питаемся Тѣломъ и Кровію Господнею,— гдѣ мы получаемъ благодатное освященіе своихъ браковъ, гдѣ находимъ помощь и утѣшеніе въ тяжкія минуты искушений и страданій, гдѣ и по смерти нашей будеть возноситься молитва о нась ко Престолу Всевышняго,—тамъ должна бы сосредоточиваться прежде всего наша общественнаа, духовно-христіанская дѣятельность, какъ чадъ Божіихъ, какъ овецъ стада Христова. Въ каждой приходской церкви, и богослуженіе съ его чтеніемъ и пѣніемъ, и вѣшнее устройство ея, и всѣ порядки и нужды приходской жизни должны быть дѣломъ каждого прихожанина, какъ приснаго въ этой скромной христіанской семье; кто имѣетъ даръ читать назидательно для всѣхъ,— читай съ благословенія настоятеля церкви и къ его великой радости; кому Богъ далъ талантъ пѣнія,—пой къ общему духовному возбужденію и утѣшенію молящихся; кто хочетъ быть священнослужителемъ и проповѣдникомъ слова Божія,—готовься: священная литература и двери духовной науки, благодареніе Богу, нынѣ открыты и доступны всѣмъ. Почему же тѣ изъ васъ, которые справедливо желають большаго назиданія словомъ и примѣромъ жизни, большихъ плодовъ вѣры и духа, большей пастырской попечительности отъ своего духовенства,—почему они сами, такъ много видящіе и понимающіе на свѣтѣ, не хотятъ взять на себя и раздѣлить съ нами наше священное, апостольское иго? Но если это дѣло, дѣло священнослуженія, какъ оно ни высоко-отрадно для принимающаго и исполняющаго его съ вѣрою, не всѣмъ можетъ быть по разнымъ причинамъ доступно; то всѣмъ христіанамъ доступна и всѣмъ обязательна та святая дѣятельность братской любви и справедливости, которая называется приходскою благотворительностію. Братская школа для разумнаго воспитанія всѣхъ приходскихъ и особенно бѣдныхъ дѣтей, братская богадѣльня для призрѣнія убогихъ и престарѣлыхъ бѣдныхъ обоего пола своей родной общинѣ, и наконецъ братская лечебница для больныхъ ея членовъ: эти *три святыниша и питомника духа Христова*, эти три наилучшія *украшенія христіанскихъ общинъ*, встрѣчавшіяся изстари и доселѣ кое-гдѣ

сохраняющіяся въ русскихъ селахъ, должны быть при каждой христіанской общинѣ не только въ городѣ, но и каждомъ христіанскомъ селеніи, и никто изъ живыхъ вѣрою христіанъ не имѣть права, да и не можетъ, если онъ дѣйствительно живъ, по мѣрѣ своихъ силъ не участвовать въ нихъ: какое близкое каждому, благодарное, святое, для себя самого и для братій во Христѣ благотворное поле дѣятельности на всю жизнь, а особенно на дни воскресные и праздничные, на дни поста и покаянія! Какая бы изъ этой дѣятельности выросла неисчислимая духовная и материальная польза самихъ обществъ сельскихъ, городскихъ, польза народная, даже вселенская! Но, что гораздо важнѣе всего, какимъ бы прекраснымъ, вѣчно-отраднымъ сокровищемъ добродѣтелей по духу Христову обогащались въ нашей земной жизни и украшались наши души — эти бессмертныя невѣсты вѣчного Жениха-Христа, и съ какимъ бы торжествомъ они вступили въ брачные чертоги Его въ послѣдній день всемирного воздаянія!

Мы видимъ уже, что выше-предложенный отвѣтъ на вопросъ: что значитъ быть христіаниномъ, еще не полонъ. Быть призваннымъ благодатию Божію къ покаянію и вѣрѣ во Христа и быть оправданнымъ и освященнымъ по этой вѣрѣ значитъ уже, правда, обладать всѣмъ, чего только можетъ желать отъ Бога падшій человѣкъ подъ влияніемъ христіанской или спасающей благодати; но не значитъ еще: дѣйствительно пользоваться, какъ слѣдуетъ, этимъ духовнымъ сокровищемъ. *Сдѣлавшись христіаниномъ, надобно еще самодѣятельно, съ помощью благодати, пребывать имъ въ своей жизни; а это значитъ возрастать: и въ своей вѣрѣ, а съ нею и въ радости оправданія и въ силѣ освященія, и въ тѣхъ аскетическихъ и общежитительныхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ благахъ, изъ которыхъ слагается вся человѣческая самодѣятельная жизнь или нравственность.*

Жизнь духа, которая даже и тогда, когда она, повидимому, прекращается (въ душевныхъ болѣзняхъ, во сне) есть непрерывная работа, — движение впередъ или назадъ; остановка на одномъ пункѣ

въ этой жизни есть уже движеніе назадъ, подобно тому, какъ прекращеніе роста въ живомъ организмѣ есть уже признакъ приближающагося его разложенія. Св. апостолъ Павелъ ожидаетъ и отъ христіанъ *возрастанія* ихъ *вѣры* (2 Кор. X, 15); *кто не собирается со Мною*, говорить и самъ Спаситель, *тотъ расточаетъ* (Мате. X, 30; Лук. XI, 23). Средства же возрастанія христіанской вѣры, а съ нею и радости оправданія и дара освященія, суть тѣ же самыя, которыми христіанинъ впервые удостоился этихъ небесныхъ благъ, именно: все большее и большее углубленіе въ неисчерпаемый источникъ Слова Божія — Священное Писаніе, которое для этого непрестанно и читается и объясняется въ нашихъ церковныхъ собраніяхъ и распространяется повсюду; для лучшаго же уразумѣнія Священнаго Писанія — чтеніе и слушаніе произведеній церковной письменности, начиная съ катехизисовъ, которые, какъ оказывается, забываются и образованными лицами, и восходя до твореній великихъ отцовъ церкви; далѣе — сердечная молитва, домашняя и общественная, которая ставитъ вѣрующаго въ непосредственное общеніе съ источникомъ благодати — Отцемъ Небеснымъ и Его Единороднымъ Сыномъ и Святымъ Утѣшителемъ Духомъ, со всѣмъ облагодатствованнымъ сонмомъ небожителей и прежде отшедшихъ въ вѣрѣ и покаяніи отцевъ нашихъ и со всѣми живыми братьями по вѣрѣ; особенно же участіе въ величайшемъ христіанскомъ торжествѣ видимаго единенія Спасителя съ каждымъ изъ вѣрующихъ, и всѣхъ вѣрующихъ между собою, — въ таинствѣ Евхаристіи, около котораго, какъ около центра, группируется весь строй ежедневнаго церковнаго Богослуженія. Содержа предъ нашимъ со-spaniemъ и уясня тѣ истины домостроительства нашего спасенія, которыя мы исповѣдывали предъ купелью Крещенія, возгрѣвая и питая въ сердцѣ тѣ чувствованія, то радостныя о безпредѣльной, уже изліянной на насъ, любви Божіей, и о высшихъ еще обѣтованіяхъ жизни будущей, то смиряющія и возбуждающія насъ къ непрестанному бодрствованію надъ собою, наконецъ соединяя насъ тѣснѣйшимъ союзомъ съ самимъ Тріединымъ Богомъ — источникомъ

нашего оправданія и освященія,—всѣ эти богодарованныя средства, коль скоро мы самодѣятельно пользуемся ими какъ вѣрующіе, не могутъ не усиливать *самую эту спру*, какъ ту готовность всепѣло предать себя Христу и Его дѣлу, которая привела нась прежде всего къ купели Крещенія и была съ нашей стороны орудіемъ нашего оправданія и освященія.

Но очевидно само собою, что вѣра, питаюсь общеніемъ съ Богомъ чрезъ Слово Божіе, молитву и Причащеніе Святыхъ Христовыхъ Таинъ, составляя уже сама по себѣ это общеніе, вызывающее все большую и большую жажду исполненія воли Божіей, что она, какъ воплотившая такимъ образомъ въ себѣ всю energiю самоопредѣленія христіанина, не можетъ ни существовать, ни возрастать, не проявляя себя непрестанно во всѣхъ тѣхъ сферахъ, въ какихъ только можетъ обнаруживаться человѣческая нравственность. Христіанинъ призванъ къ освященію *во всей его полнотѣ*, чтобы *его духъ, душа и тѣло во всей цѣлостности сохранены были безъ порока въ пришество Господа нашего Иисуса Христа* (1 Тессал. V, 23). Какъ единственная съ помощью благодати свободно созданная падшимъ человѣкомъ добродѣтель, вѣра составляетъ и единственное *основаніе*, но только основаніе и всей его жизни; она есть тотъ камень, который существуетъ на землѣ не безъ пользы, но для того, чтобы на немъ благоразумный мужъ выстроилъ ничѣмъ не поколебимый домъ (Мате. VII, 24—27) всѣхъ своихъ субъективныхъ и объективныхъ, аскетическихъ и общежитительныхъ благъ, изъ которыхъ слагается вся его нравственность и все его земное благополучіе; или: она есть то *стъя, посъянное на доброй землѣ* (—ХІІІ, 23), которое, чѣмъ глубже пускаеть корни въ центрѣ духа человѣческаго, тѣмъ болѣе развѣтвляется во всей его внутренней и вѣнчанной дѣятельности и тѣмъ большиe приносить плоды добродѣтелей и соотвѣтственныхъ имъ вѣнчанихъ благъ, такъ что гдѣ нѣть этихъ плодовъ, тамъ нѣть и сѣмени; *по плодамъ узнается какъ вѣра христіанская, такъ и возрастаніе ея; не всякий, говорящій только:*

Господи, Господи! принадлежитъ къ числу оправданныхъ и освященныхъ (Мате. VII, 20. 21)!

Вотъ почему св. Апостоль радостно говоритъ вѣрующимъ: *все ваше и настоящее и будущее, и вся жизнь и весь миръ, все ваше* (1 Кор. III, 21. 22. 23), но съ условіемъ, на которое и прошу просвѣщенныхъ слушателей въ заключеніе обратить особенное вниманіе въ виду тѣхъ иноземныхъ апостоловъ, которые, какъ говорятьъ, проповѣдуютъ одно только блаженство вѣры во Христа, или *принятія въ себя Его*; именно: *все ваше, пока вы Христовы, пока вы стоите въ свободѣ, которую даровалъ вамъ Христосъ и не подвергаетесь игу рабства*, т. е. грѣху (Гал., V, 1). А искушеніе грѣха еще ближе къ христіанину, чѣмъ какъ оно было близко къ праодителямъ въ раю; тамъ—въ раю оно первоначально возбуждено было отнѣ, а мы и тотчасъ по выходѣ изъ купели Крещенія, какъ было выше замѣчено, носимъ его въ себѣ самихъ, въ тѣхъ безсознательныхъ и еще свободно не истребленныхъ нами сѣдахъ нашей прежней грѣховности, которыхъ не имѣлъ Адамъ и которые готовы возникнуть въ нашемъ сознаніи и манить къ себѣ нашу свободу всякой разъ, когда энергія къ добру чѣмъ либо ослабляется или когда, какъ говорить евангельская притча, мы нравственно *спимъ* (Мате. XIII, 25). Искушеніе, правда, никогда не допускается *сверхъ силъ* человѣка (1 Кор. X, 13), и благодатная помощь, сила освященія даруется христіанину въ такой преизобилійной мѣрѣ, *какою не обладалъ* и первозданный въ раю; но все же зло—у дверей нашего сердца и ничѣмъ не можетъ быть удалено отъ него, кроме нашего собственнаго, съ помощью благодати, свободнаго бодрствованія и труда *всей* *своей* *жизни*. Искушеніе есть даже необходимость для нашего совершенствованія, какъ необходима была заповѣдь въ раю, чтобы не одна благодать, а и сами мы съ ея помощью стяжали свое нравственное достоинство въ очахъ Бога, были бы не вещами или орудіями внѣшней, хотя бы и божественной силы, не имѣющими ничего сроднаго съ Его природою, а самостоятельными личностями, съ которыми Богъ можетъ *дѣйствительно*

вступать въ свободныя отношения правды и любви, въ действительный религиозный союзъ; чтобы наконецъ върующіе, сами содѣйствующіе своимъ добродѣтелямъ, тѣмъ способнѣе были ощущать уже здѣсь на землѣ блаженство своей доброй жизни въ общеніи съ Богомъ. Но все же гдѣ возможно и даже необходимо искушеніе, тамъ возможно хотя и не необходимо и паденіе, порабощеніе себя грѣху, ожесточеніе во злѣ и, какъ необходимое слѣдствіе того, *полное лишеніе себя всѣхъ плодовъ искупленія*. Вотъ почему не разъ взывая христіанамъ: *радуйтесь, всегда радуйтесь и еще говорю: радуйтесь* (1 *Фесс.* V, 16; *Филип.* IV, 4), тотъ же св. Апостолъ никогда не забываетъ внушать: но и *трезвитесть и бодрствуите* (—6) надъ собою, *удерживайтесь отъ всякаго зла* (*Ефес.* VI, 11—13), чтобы *не уасить духа* вашего оправданія и освященія (1 *Фесс.* V, 19), чтобы *кто изъ васъ не лишился благодати Божией* (*Евр.* XII, 15). Словомъ: *совершайте ваше спасеніе не только съ радостю, но и со страхомъ и трепетомъ* (*Филип.* II, 12)!

Полный отвѣтъ поэтому на вопросъ—что значитъ быть христіаниномъ можетъ гласить такъ: *христіанинъ есть не только призванный къ вѣрѣ благодатию Божией, не только върующій и по вѣрѣ оправданный и освященный тою же благодатию членъ Церкви Христовой, но и возрастающій какъ въ вѣрѣ*¹⁾, *такъ и силу спры*²⁾ *во всей нравственной жизни.*

Я кончилъ свой отвѣтъ на оба предложенные мною вопросы.

¹⁾ По мѣрѣ возрастанія своего, вѣра естественно болѣе и болѣе отрѣшаются отъ покаянныхъ чувствъ (хотя не отъ смиренія, какъ всегдашняго памятованія своего бывшаго зла, изглаженнаго милосердіемъ Божіимъ), отъ которыхъ она не отдѣлма при обращеніи,—а въ будущей жизни имѣть замѣниться видѣніемъ Бога лицемъ къ лицу.

²⁾ Изъ выше въ этомъ чтеніи изложеннаго *понятія* о вѣрѣ читатель могъ замѣтить, что въ это понятіе входитъ и то, что называется обыкновенно какъ *надеждою* на Бога, такъ и *любовью* къ Нему; строго выдѣлять эти послѣднія два понятія изъ первого не возможно, а въ примѣненіи къ жизни—вредно: доказательство въ римско-католической казуистикѣ на счетъ обязанностей по каждой изъ этихъ трехъ, такъ называемыхъ *Богословскихъ добродѣтелей*.

Слышая этотъ отвѣтъ, въ которомъ приводилось не мало изрѣчений Священнаго Писанія весьма отвлеченнаго характера, много употреблялось и научныхъ выраженій, которыя болѣе или менѣе понятны только образованнѣмъ слушателямъ, кто либо могъ прийти къ мысли: если и для насть нужно такъ много и такъ иногда не ясно, не просто говорить, чтобы понять, что значитъ быть человѣкомъ и христіаниномъ, то возможно ли какое либо человѣческое и христіанско сознаніе и развитіе въ людяхъ простыхъ, неграмотныхъ? О какихъ психологическихъ тонкостяхъ по вопросу напр. о сознаніи, о наслѣдственномъ грѣхѣ, о благодати и свободѣ они могутъ имѣть понятіе? Признавая всю *догматическую* важность и *практическую* необходимость *оглашенія*, т. е. духовнаго просвѣщенія для каждого приступающаго къ крещенію, а тѣмъ болѣе для крещенаго уже въ безсознательномъ дѣствѣ христіанина, и сочувствуя отъ всей души обычай западныхъ христіанъ подвергать всякаго крещенаго, по достижениіи имъ извѣстнаго возраста, испытанію въ усвоеніи имъ основныхъ истинъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія (что у насть могло бы достигаться въ народной школѣ), — не могу не сказать однакоже, что и неграмотный крестьянинъ своимъ нравственнымъ чувствомъ и опытомъ жизни, подъ вліяніемъ христіанскихъ обычаевъ и церковнаго Богослуженія, часто можетъ быть не менѣе глубоко проникнуть своимъ человѣческимъ и христіанскимъ долгомъ, чѣмъ многіе образованные христіане. Народная же мудрость рѣшаетъ иногда труднѣйшіе христіанскіе вопросы, каковъ напр. вопросъ объ отношеніи свободы къ благодати, запутывающій умы самыхъ ученыхъ богослововъ, въ самомъ ясномъ и для практической жизни весьма удовлетворительномъ отвѣтѣ; такова напр. пословица, вполнѣ примѣнимая къ указанному вопросу: „на Бога надѣйся и самъ не плошай“. Если въ чемъ слѣдовало бы исправить ее, то это развѣ только въ томъ, чтобы вмѣсто: не плошай, сказать: улучшайся съ Божиєю помощію, или: совершенствуйся, иди впередъ!

Все безраздѣльное содержаніе религіозно-нравственнаго настроения

нія, насколько о немъ можно судить по виѣшнимъ поступкамъ, выразилось напр. въ едва-ли кому теперь памятномъ подвигѣ простаго русскаго крестьянина Владимиրской губерніи, Ростовскаго уѣзда, деревни Евсеевки Василья Гаврилова Марина, по случаю пожара, истребившаго Московскій театръ въ 1852 году. Рассказъ объ этомъ подвигѣ, прочитанный мною въ *Journal de S. Petersbourg № 66* 1853 года, когда я только что начиналъ въ чужихъ краяхъ свое служеніе въ санѣ священника, такъ глубоко тронулъ меня, что я тогда же записалъ его, и онъ, кажется, заслуживаетъ того, чтобы и теперь и здѣсь вспомнить о немъ. Крестьянинъ Маринъ, занимавшійся кровельнымъ ремесломъ, а потомъ сдѣлавшійся котельникомъ на Колпинской фабрикѣ, въ мартѣ 1852 г. возвращался съ братомъ и 9-ю другими товарищами изъ Евсеевки въ Колпино чрезъ Москву. Переночевавъ въ Москвѣ, артель отправилась посмотреть Бѣлокаменную, чтобы въ 3 часа съ товарнымъ поѣздомъ отправиться дальше. Побыдавъ прежде всего въ Кремль, чтобы, по прекрасному русскому обычаю, поклониться его святынѣ, и полюбовавшись на Москву съ Ивановской колокольни, путешественники зашли на птичій дворъ, гдѣ и услышали, что театръ загорѣлся; артель тотчасъ направилась къ театру, который между тѣмъ уже былъ охваченъ изнутри пламенемъ, прорывавшимся и наружу; трое изъ рабочихъ при театрѣ, чѣмъ-то занятыхъ въ немъ до пожара, спасаясь отъ огня и дыма, пробрались на кровлю театра; но и тамъ дымъ душилъ ихъ и пламя все ближе охватывало ихъ со всѣхъ сторонъ; двое изъ несчастныхъ не выдержали, бросились внизъ и погибли на мѣстѣ. Масса народа, окружившая между тѣмъ театръ, — полиція, подоспѣвшая пожарная команда, къ несчастію не имѣвшая достаточно высокихъ лѣстницъ, а потому и никакой почти возможности добраться до остававшагося въ живыхъ третьяго рабочаго, — вся эта публика въ безмолвномъ ужасѣ слушала его раздирающія мольбы — о помощи. Въ эту-то минуту и подошелъ къ пожару Маринъ. „Я молчалъ, но мое сердце забилось“, разсказывалъ онъ послѣ. Не теряя времени, онъ взялъ съ позволенія

полициі одну изъ лѣстницъ, веревку и жѣлѣзный крюкъ и, прігласивъ брата слѣдовать за собою, приставилъ лѣстницу у одной изъ водосточныхъ трубъ зданія; осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ началъ подниматься по лѣстницѣ и добрался до послѣдней ступени ея; но до крыши было еще далеко. Маринъ опоясалъ себя веревкою, снова перекрестился и по трубѣ, трещавшей подъ его тяжестю, поднялся до карниза, куда братъ съ помощію поданной ему сверху веревки доставилъ крюкъ; Маринъ перебросилъ этотъ крюкъ вмѣстѣ съ веревкою чрезъ карнизъ на крышу, гдѣ едва живой работникъ прикрепилъ его и потомъ по этой веревкѣ, съ помощію Марина, среди дыма и пламени, среди треска и вѣтра, па глазахъ притаившій дыханіе публики, благополучно спустился до лѣстницы, откуда уже не трудно было спуститься и до земли.

Когда Маринъ съ спасеннымъ имъ рабочимъ достигъ лѣстницы, то вся безмолвная масса зрителей осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ; а когда онъ спустился на землю, то многие изъ нихъ спѣшили выразить ему восторженную благодарность въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. „Я ничего не помнилъ, говорилъ потомъ Маринъ, кромѣ того, что сердце мое билось и какъ будто спрашивало: какъ бы спасти христіанскую душу, и какъ будто говорило, что Богъ мнѣ поможетъ“.

Въ этомъ подвигѣ выразилось все религіозно-нравственное настроеніе простаго человѣка: и его вѣра въ Бога, и его здоровое нравственное чувство, и его свободная, мужественная и самоотверженная рѣшимость на богоугодное дѣло, и его любовь къ ближнему, соединенная съ умѣніемъ восторжествовать надъ материальными препятствіями.

Но всего дороже въ этомъ подвигѣ его естественность—эта простота доброго дѣла, совершаемаго не по какой-нибудь теоріи, не по утилитарнымъ или другимъ какимъ соображеніямъ, а просто потому, что христіанскоѳ, т. е. истинно человѣческое сердце таково: оно дышетъ добромъ. Маринъ среди общаго сочувствія, съ какимъ обступили его со всѣхъ сторонъ, самъ не обратилъ особеннаго вли-

манія ни на кого, не замѣтилъ даже имени того, кого онъ спась; онъ опасался въ это время только одного: какъ бы товарный поѣздъ не ушелъ безъ него въ Колпино,—и дѣйствительно Маринъ не опоздалъ и, прибывъ въ Колпино, взялся за свое обычное ремесло.

Понятно, почему имя Марина успѣли однакоже записать въ Москвѣ и почему блаженной памяти Государь Императоръ Николай Павловичъ приказалъ розыскать его и привести къ себѣ, и когда Маринъ явился во дворецъ, разцѣловалъ его и наградилъ.

Подобными фактами, свидѣтельствующими о таящемся въ русскомъ народѣ глубокомъ религіозно-нравственномъ чувствѣ, полны Русская исторія и нашъ современный бытъ: какъ напр. было и доселѣ бьется сердце русскаго человѣка въ виду востока!

Съ прискорбіемъ должны мы однакожъ сознаться, что русская жизнь богата этими отрадными религіозно-нравственными явленіями преимущественно лишь въ исключительныхъ обстоятельствахъ... Не вспоминая о прошломъ, можно было бы и въ современномъ бытѣ указать на многое, что говорить о скучости сознательного, прочного христіански-нравственного *развитія* народныхъ массъ и даже не однихъ только массъ: напр. на неумѣніе воспользоваться всѣми сокровищами земли, населеніемъ русскимъ народомъ; на его будствія отъ неразумнаго истощенія почвы, обезлѣсенія ея, пожаровъ; на ужасающую смертность дѣтей въ младенческомъ возрастѣ отъ непониманія гигіеническихъ условій жизни; на рабство водкѣ или игрѣ, или пустой модѣ и роскоши; на проявляющіеся часто признаки непониманія, равнодушія или даже совершенного эгоистического направленія относительно общественныхъ дѣлъ и потребностей сельскихъ, земскихъ, городскихъ и т. п.; на чаще и чаще встрѣчающійся разладъ въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми, между самими супругами; на странныя у иныхъ понятія даже о значеніи и призваніи самого семейнаго союза, этого первого питомника всего духовнаго склада ребенка, гдѣ онъ впервые пріобрѣтаетъ задатки всѣхъ понятій о цѣли человѣческой жизни, ея радостяхъ и скорбяхъ, опасеніяхъ и надеждахъ, правахъ и обязанностяхъ.

Въ своеі отвѣтѣ на вопросъ, что значить бытъ христіаниномъ, я не считалъ нужнымъ касаться того: что дѣластъ Божественная благодать съ христіаниномъ, боль скоро онъ утратилъ блаженство своего оправданія и силу освященія, впалъ въ тяжкій грѣхъ, т. е. снова поработилъ свою христіанскую свободу чувственности или эгоизму и порвалъ свое общеніе со Христомъ и Богомъ? Наиболѣе яснымъ отвѣтомъ на это служить: слышимая нами въ церкви ежегодно, начиная съ недѣли „блуднаго сына“ пѣснь: „покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче“, только что окончившееся время поста¹⁾ и наступающіе дни воспоминанія страданій Христа Спасителя и Его славнаго воскресенія,—время, когда Церковь возбуждаетъ всякаго грѣшника умереть грѣху вмѣстѣ со Христомъ, снова пройти скорбный путь зарожденія покаянной вѣры въ Него, этою вѣрою съ Нимъ воскреснуть въ св. таинствахъ Покаянія и Причащенія, чтобы и здѣсь на землѣ царствовать съ Нимъ нравственно, обладая въ своеі сердцѣ царствиемъ Божіемъ и распространяя его оттуда по всѣмъ направленіямъ земной дѣятельности, и въ будущей жизни найти мѣсто, радостное возбужденіе и блаженную, нескончаемую дѣятельность всѣхъ силъ въ обителяхъ Отца небеснаго, число, величие и красота которыхъ неизмѣримы,—въ общеніи съ сонмами свѣтлыхъ небожителей, блаженство котораго теперь недоступно нашему сердцу,—и въ непосредственномъ лицезрѣніи Тріединаго Бога и участіи въ Его славѣ, теперь превышающихъ всякий умъ.

Желая каждому изъ просвѣщенныхъ слушателей болѣе и болѣе съ помощію Божіею совершенствоваться въ христіански-нравственномъ разумѣніи и жизни, я не могу съ своей стороны не выразить членамъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія и ихъ дорогимъ гостямъ глубокой признательности за вниманіе, какого они удостоили мои посильныя размышленія, и твердой надежды, что никто изъ насъ не будетъ сожалѣть о часахъ, проведенныхъ за этими размышленіями.

¹⁾ Это послѣднее чтеніе происходило въ Вербное Воскресеніе.

Вы собирались сюда въ надеждѣ услышать что-нибудь полезное для себя въ эти святые дни, хотя, быть можетъ, и не всегда находили это; я съ своей стороны имѣлъ также искреннее желаніе подѣлиться съ вами, какими самъ богатъ, мыслями и какъ умѣю, по важнѣйшимъ въ нашей жизни вопросамъ. Общія наши намѣренія сами по себѣ были святы; а Богъ, какъ выражается св. Иоаннъ Златоустъ, и благія намѣренія цѣлуетъ!

Протоіерей Иоаннъ Янышевъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

**На сайте академии
www.spbda.ru**

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки